

Жорж Сименон

Мегрэ и Долговязая

<http://book.zehinli.info>

Глава 1,

где Мегрэ встречается старую знакомую, покончившую со своей прежней жизнью, и где речь идет о Фреде Унылом, а также о трупе, им, вероятно, обнаруженном.

На бланке, который дежурный предложил заполнить посетительнице, а потом отнес Мегрэ, было написано:

"Эрнестина, по прозвищу Долговязая (в прошлом Мику, в настоящее время Жюсьом), которую Вы 17 лет назад арестовали на улице Луны, убедительно просит срочно принять ее по весьма важному делу".

Мегрэ украдкой взглянул на старого Жозефа, чтобы удостовериться, читал ли тот записку, но седовласый служащий оставался невозмутимым. Вероятно, только он из всех работников уголовной полиции в то утро не снял пиджак и впервые за долгие годы комиссар подумал, зачем такого почтенного человека заставляют носить на шее тяжелую цепь с огромной медалью.

Бывают дни, когда вдруг начинаешь задавать себе такие нелепые вопросы. Возможно, виной тому было жаркое лето. А может быть, близость отпуска. Добрая половина инспекторов уже отдыхала на взморье или в деревне. Люка ходил в панаме, удивительно напоминавшей палатку туземцев или абажур. Начальник полиции, как и каждое лето, отбыл в Пиренеи.

До прихода Жозефа Мегрэ пристально следил за осой, которая кружилась под потолком, неизменно тыкаясь в него в одном и том же месте, что мешало Мегрэ настроиться на серьезный лад. Через настежь открытые окна в кабинет врвался шум парижских улиц.

- Пьяная? - спросил Мегрэ у дежурного.

- Кажется, нет, месье Мегрэ.

Случалось, что женщины определенного типа, изрядно выпивши, испытывали необходимость излить душу в полиции.

- Нервничает?

- Она спросила, долго ли ей придется ждать, а я ответил, что даже не знаю, примете ли вы ее. Тогда она села в углу зала ожидания и уткнулась в газету.

Мегрэ не мог припомнить ни фамилии Мику, ни Жюсьом, ни прозвища Долговязая, но в его памяти отчетливо сохранилась сцена на улице Луны в такой же, как сегодня, жаркий день, когда асфальт тает под ногами, наполняя Париж запахом плавленной смолы.

Это было там, возле ворот Сен-Дени, на маленькой улочке, где много подозрительных отелей и лавчонок со сладостями. В ту пору он еще не был комиссаром. Женщины носили платья прямого покроя и подбрасывали волосы на затылке. Предварительно ему пришлось зайти в два или три соседних бара и в каждом выпить рюмку перно. Он до сих пор помнит запах этого напитка, равно как и запах пота и грязных ног, царивший в маленьком отеле. Комната была на четвертом или пятом этаже.

Он ошибся дверью и сначала попал к какому-то негру, который сидел на кровати и играл на аккордеоне. Видимо, музыкант, работавший на танцульках. Нимало не смутившись, негр движением подбородка указал ему на соседнюю дверь.

- Войдите!

Голос надтреснутый, прокуренный или пропитой. У выходившего во двор окна высокая девушка в ярко-голубом халате жарила на спиртовке котлету. Она была ростом с Мегрэ, а может быть, и выше. Спокойно оглядев его с ног до головы, она тут же спросила:

- Вы кто, шпик?

Когда он нашел на зеркальном шкафу бумажник, набитый деньгами, она и бровью не повела.

- Это дело рук моей подружки.

- Что за подружка?

- Фамилии не знаю. Зовут ее Люлю.

- Где она живет?

- Ищите сами. Ведь это ваша профессия.

- Одевайтесь и следуйте за мной!

Речь шла всего лишь о том, что проститутка обокрала своего клиента, но уголовная полиция придавала этому делу определенное значение не столько из-за размера суммы, хотя она была довольно значительной, сколько из-за того, что пострадавший, крупный скототорговец из Шаранты, уже успел пожаловаться своему депутату.

- И не подумаю, пока не доем котлету.

В тесной комнате помещался только один стул, и Мегрэ пришлось стоять, пока девица не спеша жевала свою котлету, не обращая на него никакого внимания, словно его и не существовало.

В ту пору ей было лет двадцать. Бледная, с бесцветными глазами и длинным костистым лицом. Покончив с котлетой, она поковыряла спичкой в зубах. Потом стала заваривать кофе.

- Я же просил вас одеться!

Он изнывал от жары. Его тошнило от вони и духоты. Быть может, девушка угадала, что ему не по себе.

Она спокойно сняла халат, потом рубашку, трусы и, растянувшись нагишом на неубранной постели, закурила сигарету.

- Я жду! - с нетерпением сказал Мегрэ, пытаясь не смотреть в ее сторону.

- Я тоже.

- У меня ордер на арест.

- За чем же дело стало? Арестуйте меня!

- Немедленно одевайтесь и следуйте за мной!

- А куда мне торопиться?

Положение становилось смешным. Девушка по-прежнему была невозмутима, пассивна, и только в ее бесцветных глазах мелькал насмешливый огонек.

- Вы говорите, я арестована. Что ж! Пожалуйста, я не возражаю! Но нельзя же требовать, чтобы при этом я вам еще помогала. Я нахожусь у себя дома. Жара несусветная, и я имею полное право лежать голышом.

Если же вы настаиваете, чтобы я пошла в таком виде, дело ваше, меня это ни капельки не смущает.

Ему пришлось не менее десяти раз повторить:

- Одевайтесь!

Оттого ли, что у нее была такая светлая кожа, а может быть, из-за мерзкой обстановки, в которую он попал, но Мегрэ показалось, что он еще никогда не видел женщины до такой степени голой, как эта. Сначала он бросил ей на кровать одежду потом стал угрожать.

В конце концов ему пришлось спуститься вниз и позвать на помощь двух полицейских. Сцена становилась комичной. Ничего другого не оставалось, как силой завернуть девицу в одеяло и вынести, словно тюк, по узкой лестнице, в то время как со всех сторон открывались двери и высовывались головы любопытных.

С тех пор он ее больше не видел и ничего о ней не слышал.

- Впустите ее! - со вздохом проговорил комиссар.

Он ее сразу узнал. Ему даже показалось, что она ничуть не изменилась. То же длинное бледное лицо, те же вылинявшие зрачки, широкий, густо намазанный рот, напоминавший кровоточащую рану. Во взгляде сквозила спокойная ирония, свойственная людям, которые так много видели, что их ничем уже не удивишь.

На ней было приличное платье, светлая соломенная шляпка и даже перчатки.

- Вы на меня все еще сердитесь?

Он молча продолжал курить трубку.

- Можно мне сесть? Я знала, что вас повысили в чине. Впрочем, поэтому мне не приходилось больше встречаться с вами. А курить здесь можно?

Она взяла из сумки сигарету и зажгла ее.

- Должна сказать сразу, без всякого упрека, что тогда я говорила правду. Мне зря припаяли год. А настоящую виновницу, Июлю, вы даже не удосужились разыскать. Мы вместе с ней познакомились с одним богатым толстяком. Он увел нас обеих, но когда он пощупал меня, то тут же велел убираться к черту. Сказал, что тощие портят ему настроение. Я осталась ждать в коридоре, а через час Люлю сунула мне в руки бумажник и велела спрятать.

- Чем она теперь занимается?

- Знаю, что пять лет назад держала ресторанчик на юге. Мне только хотелось вам напомнить, что каждый может ошибиться.

- Для этого вы и пришли?

- Нет. Я пришла поговорить об Альфреде. Если бы он знал, что я здесь, он бы сказал, что я круглая дура.

Я могла бы обратиться к инспектору Буасье, который его хорошо знает.

- А кто такой Альфред?

- Мой муж. Он и в самом деле мне муж. Ведь Альфред все еще верующий. Инспектор Буасье арестовывал его уже два или три раза, причем однажды Альфреду пришлось целых пять лет отсидеть во Френ {одна из тюрем в Париже}.

Фамилия Жюсьом вам, возможно, ничего не говорит, но когда я вам скажу его кличку, вы сразу вспомните. О нем не раз писали в газетах. Это Фред Унылый.

- Специалист по сейфам?

- Он самый!

- Вы с ним поссорились?

- Совсем нет. Стала бы я к вам ходить по такому делу. Это не в моих привычках. Итак, вы знаете, кто такой Альфред?

Мегрэ никогда его не видел. Вернее, видел мельком, когда взломщик сидел в коридоре, в ожидании допроса. Он припоминал тщедушного человечка с тревожными глазами. Одежда висела мешком на его тощем теле.

- Видимо, мы судим о нем по-разному, - сказала она. - Альфред - неудачник. Он гораздо интереснее, чем вы о нем думаете. Вот уже двенадцать лет, как мы женаты, но только сейчас я начинаю его по-настоящему узнавать.

- Где он?

- Не волнуйтесь, сейчас все расскажу. Где он сейчас - я точно не знаю. Мне только известно, что он невольно влип в одно грязное дело. Поэтому я и пришла сюда. Важно одно: чтобы вы мне поверили, а я понимаю, что это трудно.

Он с любопытством смотрел на нее. Женщина говорила с располагающей простотой, не жеманилась, не пыталась произвести впечатление. Если она не сразу коснулась цели визита, то только потому, что дело, о котором шла речь, действительно было нелегкое.

И все-таки ее и Мегрэ разделял барьер, который она всячески старалась преодолеть.

Мегрэ никогда не приходилось заниматься Фредом Унылым, и он знал о нем только понаслышке. Личность взломщика почти знаменитая, а газеты старались еще больше раздуть интерес к этой колоритной фигуре.

Альфред долгое время работал в фирме Планшаров, изготавливающей сейфы, и считался у них одним из лучших специалистов. Это был унылый, замкнутый, болезненный парень, периодически страдавший приступами эпилепсии.

Буасье, конечно, мог бы рассказать Мегрэ, при каких обстоятельствах Альфред ушел из фирмы Планшаров.

Во всяком случае, в один прекрасный день, вместо того чтобы устанавливать сейфы, он стал их взламывать.

- Когда вы с ним познакомились, он еще работал честно?

- Ну, ясно же, нет. Может, вы думаете, что это из-за меня он пошел по плохой дорожке? Он мастерил что-нибудь, иногда нанимался к слесарю, но я быстро смекнула, что у него на уме.

- А вы не думаете, что вам следовало бы обратиться к Буасье?

- Но ведь он занимается ограблениями, правда?

А убийствами занимаетесь вы?

- А разве Альфред кого-нибудь убил?

- Послушайте, господин комиссар. По-моему, дело пойдет быстрее, если вы не станете меня перебивать.

Про Альфреда можно говорить что угодно, но убить он неспособен, даже если его озолотить. Это может казаться странным, когда речь идет о таком человеке, как он, но Альфред - очень чувствительный, он способен расплакаться из-за пустяка. Я-то его знаю. Другие могут даже подумать, что он тряпка. А я поэтому его и полюбила.

Женщина спокойно посмотрела на Мегрэ. Последнее слово она произнесла без нажима, но с некоторой долей гордости.

- Если бы вы знали, что ему иногда приходит в голову, вы бы очень удивились. Но это не важно. Ведь для вас он только вор. Однажды он попался и проторчал пять лет в тюрьме. Я все

время навещала его, не пропустила ни разу. В эти годы мне снова пришлось взяться за прежнее ремесло, хотя я и могла нажить неприятности, потому что у меня не было желтого билета, а в то время он еще требовался. Альфред все время надеется огрести большую сумму, чтобы мы могли потом поселиться в деревне. Он об этом мечтал еще в детстве.

- Где вы живете?

- На набережной Жемапп. Как раз напротив шлюза Сен-Мартен. Вы представляете? У нас две комнаты над бистро, выкрашенным в зеленый цвет. Нам это очень удобно, потому что там телефон.

- Альфред сейчас дома?

- Нет. Я же вам говорила, что не знаю, где он сейчас, и можете мне поверить. Он тут провернул одно дельце, но не в эту ночь, а в прошлую.

- И скрылся?

- Подождите, месье комиссар. Сейчас вы поймете, что все то, что я вам рассказываю, - очень важно. Вы знаете, что есть люди, которые каждый раз покупают билеты национальной лотереи, правда? Некоторые из них отказывают себе даже в пище, они надеются, что в один прекрасный день разбогатеют. Так вот! То же самое происходит и с Фредом. В Париже существуют десятки сейфов, которые он устанавливал. Он знает устройство каждого из них как свои пять пальцев.

А ведь вообще-то сейф покупают для того, чтобы упрятать туда денежки или драгоценности.

- Значит, он надеется захватить большой куш?

- Вы угадали.

Она пожала плечами, словно речь шла о безобидном капризе ребенка, а потом добавила:

- Ему не везет. Чаще всего ему попадаются ценные бумаги, которые невозможно реализовать, или деловые документы. Один-единственный раз в сейфе оказалась сумма, которая позволила бы нам спокойно прожить остаток лет, но его арестовал Буасье.

- Вы были с ним вместе? Стояли на стреме?

- Нет. Он всегда был против этого. Вначале Фред рассказывал мне, в каком месте собирается работать, и я старалась быть где-нибудь поблизости. Когда же он это заметил, то перестал мне говорить.

- Боялся, что вы попадетесь?

- Вероятно. А может, из суеверия. Видите ли, хоть мы и живем вместе, Альфред ничуть не изменился, остался таким же замкнутым. Иной раз в сутки он не проронит ни слова. Когда я вижу, что он уезжает вечером на велосипеде, мне сразу становится все ясно.

Мегрэ вспомнил, что в некоторых газетах этого человека называли "Альфред Жюсьом, взломщик на велосипеде".

- Это он сам и придумал. Он считает, что ночью человек на велосипеде не привлекает к себе внимания, особенно если через плечо у него висит сумка с инструментами. Его принимают за мастера, который едет на работу. Вот видите, я рассказываю вам все, как другу.

Мегрэ недоумевал, что могло привести ее к нему в кабинет. Когда она вынула вторую сигарету, он зажег спичку и протянул ей.

- Сегодня четверг. В ночь со вторника на среду Альфред уехал, чтобы выполнить задуманное.

- Он вам это сказал?

- И без того было ясно. Несколько ночей подряд он уезжал из дому в одно и то же время. Перед тем как забраться в какой-нибудь дом или контору, он иногда целую неделю ведет наблюдение, следит за людьми, которые там живут или работают.

- Чтобы удостовериться, что он там никого не встретит?

- Нет. Это для него не важно. Я даже думаю, что он больше любит работать в доме, где кто-нибудь есть. Он умеет двигаться совсем бесшумно. Сотни раз он возвращался домой ночью и ложился рядом со мной так тихо, что я даже не просыпалась.

- Вы знаете, где он работал в позапрошлую ночь?

- Знаю только, что где-то в Нейи. И то узнала случайно. За день до этого, вернувшись домой, он рассказал мне, что полицейский вдруг потребовал у него документы и, должно быть, принял за какого-нибудь подонка, потому что окликнул его в Булонском лесу, в том месте, где проститутки заманивают клиентов.

"Где же это?" - спросила я. "За зоологическим садом.

Я возвращался из Нейи". И так, позавчера вечером он уехал, захватив с собой ящик с инструментами. Я сразу поняла, что он отправился на работу.

- А он до этого не пил?

- Что вы! Он никогда не пьет. И не курит. Он этого не выносит. Он живет в постоянном страхе, как бы с ним не случился приступ эпилепсии, и ужасно стесняется, если это происходит на улице и его окружает толпа, его жалеют... Перед отъездом он мне сказал: "На этот раз мы скоро сможем переехать в деревню".

Мегрэ стал что-то записывать, машинально окружая буквы завитушками.

- В котором часу он выехал с набережной Жемапп?

- Около одиннадцати, как и все эти дни.

Значит, в Нейи он мог попасть к полуночи.

- Вероятно. Ездит он, правда, не быстро, но, с другой стороны, в эти часы на улицах свободно.

- Когда вы с ним снова увиделись?

- Больше я его не видела.

- Значит, вы полагаете, что с ним что-то случилось?

- Он звонил мне по телефону.

- Когда?

- В пять утра. Я не спала. Беспокоилась. Я вам говорила, что Альфред всегда боится, чтобы с ним не случился приступ на улице, а вот меня пугает, как бы это не произошло во время работы. Вы меня понимаете?

Я услышала, как в бистро зазвонил телефон. Это как раз под нами. Вдруг раздался звонок. Хозяева не встали, а я кинулась вниз, догадавшись, что это Альфред. По голосу я сразу поняла, что у него что-то не ладится. Он спросил очень тихо: "Это ты?" - "Да, я". - "Ты одна?" - "Да. Откуда ты звонишь?" - "Из маленького кафе возле Северного вокзала. Послушай, Тина (он всегда зовет меня Тиной), мне необходимо на некоторое время исчезнуть". - "Тебя засекли?" - "Дело не в том. Точно не знаю. Меня видел какой-то человек, но я не уверен, что он из полиции". - "А деньги у тебя?" - "Нет. Это случилось до того, как я закончил работу". - "Что же произошло?" - "Я стал разбирать замок и вдруг вижу, что моя лампа высветила чье-то лицо в углу комнаты. Я подумал, что кто-то тихо вошел и на меня смотрит. Потом я понял, что это глаза мертвеца".

Женщина пытливо взглянула на Мегрэ.

- Я уверена, что он не солгал. Если бы он убил, он бы мне признался. Я вовсе не собираюсь рассказывать вам небылицы. По голосу я поняла, что Альфред, того и гляди, грохнется в обморок. Ведь он так боится покойников...

- Что же там было?

- Не знаю. Он мне не стал объяснять подробно.

Мне все время казалось, что он вот-вот повесит трубку. Боялся, как бы его не услышали. Сказал, что через четверть часа садится на поезд и уезжает...

- В Бельгию?

- Надо думать, раз он звонил из кафе возле Северного вокзала. Я посмотрела расписание. Есть поезд, который отходит в пять сорок пять утра.

- Вы не знаете, из какого кафе он звонил?

- Вчера я специально решила побродить в тех краях и попыталась кое-кого расспросить, но безрезультатно. Приняли за ревнивую жену и не стали со мной разговаривать.

- Итак, все, что он вам сообщил: в комнате, где он работал, труп?

- Мне удалось вытянуть из него еще кое-что. Он добавил, что это труп женщины, что грудь ее была вся в крови, а в руках она держала телефонную трубку.

- Это все?

- Нет. В ту минуту, когда он убежал - представляю его состояние, - у ворот остановилась машина.

- Он так и сказал, у ворот?

- Да. Я точно помню это слово. Кто-то вышел из машины и направился к дому. Пока этот человек шел по коридору, Альфред успел выпрыгнуть в окошко.

- А инструменты?

- Он их там бросил. Чтобы попасть в комнату, он, конечно, вырезал оконное стекло. В этом я уверена.

Он так делает всегда и на этот раз, думаю, не отступил от своей привычки, даже если дверь была открыта, потому что он - маньяк, а может быть, просто суеверный.

- Значит, его никто не заметил?

- Заметили, когда он бежал через сад...

- Он сказал "через сад"?

- Я ничего не придумала. Говорю вам, когда он бежал через сад, кто-то выглянул в окно и осветил его электрическим фонариком, быть может, даже его собственным, который он там бросил вместе с инструментами, Альфред вскочил на велосипед и помчался, не оборачиваясь, а когда очутился возле Сены - в каком месте, точно не знаю, - бросил велосипед в воду, чтобы замести следы. Вернуться домой он не осмелился.

Дошел пешком до Северного вокзала, а оттуда позвонил мне, умоляя не говорить ни слова. Я настаивала, чтобы он не уезжал. Пробовала убеждать. В конце концов он обещал прислать мне письмо до востребования, чтобы я знала, где он, и могла к нему приехать.

- Он вам не написал?

- Письмо еще дойти не могло. Сегодня утром я уже заходила на почту. Целый день ломала голову, как быть. Купила все газеты, думала найти какое-нибудь сообщение об убитой женщине.

Мегрэ снял трубку и попросил соединить его с полицейским участком в Нейи.

- Алло! Говорят из уголовной полиции. Было ли зарегистрировано в вашем районе за последние сутки какое-нибудь убийство?

- Одну минутку! У телефона рассылный. Сейчас передам трубку секретарю.

Мегрэ долго расспрашивал его.

Не находили ли где-нибудь трупа? Не было ли в течение ночи какой-нибудь тревоги? Не выловили ли тела из Сены?

- Нет, месье Мегрэ. За ночь ничего не произошло.

- Никто не сообщал вам, что слышал выстрел?

- Никто.

Долговязая терпеливо ждала, сложив руки на своей сумке, словно дама, пришедшая с визитом.

- Вы понимаете, почему я пришла к вам?

- Думаю, что да.

- Сначала я решила, что полиция уже напала на след Альфреда. Подвести его мог велосипед... да еще инструменты, которые он там бросил. Раз он бежал за границу, его словам теперь никто не поверит... И... выходит, что в Бельгии или в Голландии ему угрожает не меньшая опасность, чем в Париже... Лучше бы он сел в тюрьму за попытку ограбления, даже если бы ему пришлось снова отсидеть пять лет, лишь бы его не обвинили в убийстве.

- Все дело в том, что трупа-то ведь нет.

- Значит, вы считаете, что он мне солгал или это я сочиняю?

Комиссар не ответил.

- Ведь вы легко можете отыскать дом, где он в ту ночь работал. Конечно, может быть, я не должна была наводить вас на след, но я убеждена, что вы все равно догадаетесь. Этот сейф Альфред сам когда-то устанавливал. В фирме Планшаров, конечно, имеется список клиентов. Вряд ли за последние семнадцать лет в Нейи оказалось много желающих приобрести сейф.

- У вашего мужа не было подружки на стороне?

- Ну вот! Так я и думала, что вы это спросите. Я не ревнива, а если бы и стала ревновать, то не пришла бы сюда рассказывать вам небылицы из мести, если это у вас на уме. Не было у него подружки. Ему, бедняге, это ни к чему. Если бы он хотел завести, я бы первая ему подыскала.

- Почему?

- Потому что в жизни не так много радостей.

- Есть у вас на что жить?

- Нет.

- Что же вы собираетесь делать?

- Как-нибудь выкручусь, сами понимаете. И явилась я к вам, чтобы помочь доказать: Фред никого не убивал.

- Если он вам напишет, вы покажете мне письмо?

- Да вы прочтете его раньше меня. Теперь, когда вы знаете, что он должен мне написать, вы станете следить за всеми почтовыми отделениями Парижа. Вы забыли, что я знаю всю эту музыку.

Она поднялась, очень высокая, и сверху вниз посмотрела на сидящего за столом Мегрэ.

- Если то, что про вас говорят, не брехня, есть надежда, что вы мне поверили.

- Почему?

- Потому что иначе вы были бы дураком. А вы не дурак. Вы позвоните Планшарам?

- Конечно!

- А меня будете держать в курсе дела?

Он молча взглянул на нее и не смог сдержать улыбки.

- Как вам будет угодно, - вздохнула она. - Я могла бы вам помочь. Вы, конечно, много об этом знаете, но существуют вещи, которые такие люди, как мы, понимают лучше вас.

Слово "мы", вероятно, означало целый мир, мир, в котором жила Долговязая, мир, находившийся по другую сторону баррикады.

- Если инспектор Буасье не в отпуске, он подтвердит вам то, что я рассказала об Альфреде.

- Он еще не в отпуске. Он уезжает завтра.

Она открыла сумку и вытащила из нее клочок бумаги.

- Я оставлю вам номер телефона быстро, над которым мы живем. Если вам случайно понадобится ко мне зайти, не бойтесь, раздеваться я не стану. Теперь я предпочитаю быть в платье.

В ее голосе сквозила едва заметная горечь. Но тут же, иронизируя над собой, она добавила:

- Кстати, так лучше для всех!

Только когда она закрыла за собой дверь, Мегрэ осознал, что совершенно спокойно пожал протянутую ему руку. Оса все еще жужжала под потолком, словно искала выхода, не догадываясь о раскрытых настежь окнах. Мадам Мегрэ утром сказала мужу, что собирается на цветочный рынок, и спросила, не будет ли он свободен около полудня, чтобы там встретиться. Сейчас как раз наступил полдень. Подойдя к окну, он минуту колебался. За парапетом набережной можно было разглядеть яркие пятна цветов. Вздохнув, он снял трубку:

- Попросите ко мне Буасье!

Семнадцать лет прошло с того дурацкого происшествия на улице Луны. Теперь Мегрэ был важной персоной, возглавлял бригаду, занимавшуюся расследованием убийств. Вдруг ему в голову пришла забавная мысль, почти каприз. Снова сняв трубку, он сказал телефонистке:

- Соедините меня, пожалуйста, с пивной "У дофины"!

А входивший в кабинет инспектор Буасье услышал, как Мегрэ произнес:

- Пришлите-ка мне перно!

И, посмотрев на инспектора, добавил:

- Даже два! Два перно! Спасибо!

Синевато-черные усы провансальца Буасье дрогнули от удовольствия, и он уселся на подоконник, вытирая вспотевшее лицо.

Глава 2,

в которой немного говорится об инспекторе Буасье, а больше о доме, стоящем в саду за оградой, и о встрече, которая произошла у Мегрэ возле этой ограды.

Отпив глоток перно, Мегрэ произнес:

- Скажите, старина Буасье, что вы знаете об Альфреде Жюсьоме?

- Об Альфреде Унылом?

- Да.

Лицо инспектора вдруг помрачнело, он посмотрел на Мегрэ исподлобья и, перестав смаковать свой любимый аперитив, спросил изменившимся голосом:

- А он что-нибудь натворил?

Так всегда бывало с инспектором, и Мегрэ это знал.

Мегрэ знал также, в чем тут дело. Благодаря бесконечным предосторожностям со стороны комиссара, только с ним одним Буасье разговаривал без раздражения.

В сущности, Буасье тоже мог бы стать комиссаром, и он давно бы им уже стал, если бы полное незнание орфографии и безграмотность не мешали ему сдать самые элементарные экзамены.

Однако же начальство знало ему цену. Главой отдела назначили комиссара Пеше, старую сонливую калошу, а всю работу, кроме составления отчетов, выполнял Буасье; он же руководил и персоналом.

В этом отделе не занимались расследованием убийств, как в бригаде Мегрэ. Не интересовались там и любителями - служащими, которые в один прекрасный день сбегали, захватив с собой содержимое кассы, - или другими пустяками в таком же роде.

У Буасье и сотрудники, и обвиняемые были профессионалами. Там шла борьба между специалистами. Там было не до психологии. Нужно было изучать повадки и нравы каждого.

Зачастую можно было увидеть инспектора, спокойно сидящего на террасе кафе в обществе взломщика, и вряд ли, например, Мегрэ мог бы вести с каким-нибудь убийцей разговор вроде этого:

- Послушай, Жюло, что-то ты давно уже не работал.
- Так оно и есть, инспектор.
- Когда я задержал тебя в последний раз?
- Наверное, месяцев шесть назад.
- Значит, деньги уж на исходе? Держу пари, ты снова что-нибудь замышляешь.

Мысль о том, что Фред Унылый натворил что-то без ведома Буасье, привела последнего в ужас.

- Не знаю, действительно ли он работал в эти дни, - сказал Мегрэ, - но ко мне в полицию приходила Долговязая.

Этого было достаточно, чтобы успокоить Буасье.

- Она ничего не знает, - заявил инспектор. - Альфред не из тех, кто станет рассказывать о делах женщине, даже собственной жене.

Портрет Жюсьома, который принялся набрасывать Буасье, очень походил на описание, сделанное Эрнестиной, и, кроме того, инспектор еще кое-что добавил.

- Меня всегда воротит от того, чтобы задерживать и отправлять в тюрьму таких людей, как он. В последний раз, когда ему вlepили пять лет, я чуть не обругал его защитника, который не смог для него ничего сделать. Какой-то недотепа, а не адвокат.

Трудно было точно определить, что Буасье подразумевал под словом "недотепа", но смысл был ясен.

- Ни один человек в Париже не может, как Альфред, бесшумно проникнуть в жилой дом и работать там, не разбудив даже кошки. В технике этого дела он настоящий артист. Более того, он не нуждается ни в чьей помощи, чтобы наводить справки, стоять на стреме и разводиться всю эту канитель. Работает он один, и при этом очень спокойно. Он не пьет, не любит болтать, разыгрывать из себя в бистро закоренелого преступника, С его талантами он мог купаться в золоте. Он знает точное местонахождение и устройство нескольких сотен сейфов, которые сам же устанавливал, и можно подумать, что он сколько захочет, столько оттуда и возьмет. Так нет же, всякий раз, как он на это решится, всегда появляется какая-нибудь помеха или же он садится в тюрьму.

Быть может, Буасье так подробно рассказывал все это потому, что в судьбе Фреда Унылого видел сходство со своей судьбой. С той лишь разницей, что завидное здоровье не мешало ему поглощать бесчисленное число аперитивов на террасах кафе и вести слежку целые ночи напролет в любую погоду.

- Самое поразительное то, что, посади его на десять, на двадцать лет, едва выйдя из тюрьмы, он снова возьмется за свое, даже если ему исполнится уже семьдесят лет и он будет ходить на костылях. Он считает, что ему достаточно одной удачи, одной-единственной, и что он ее заслужил.

- У него было сильное потрясение, - объяснил Мегрэ. - В ту минуту, когда ему уже удалось открыть сейф - дело происходило где-то в районе Нейи, - он вдруг увидел, что в комнате лежит труп.

- Что я вам говорил? Такое могло случиться только с ним. Значит, он убежал! А куда дел велосипед?

- Бросил в Сену.

- А сам удрал в Бельгию?

- Видимо, да.

- Сейчас позвоню в Брюссель, если только вы хотите его разыскать.

- Я очень хочу его разыскать.

- Вы знаете, где это происходило?

- Знаю только, что в Нейи и что дом стоит в саду, за оградой.

- Что ж, найти дом - дело несложное. Я сейчас вернусь.

Пока инспектор отсутствовал, Мегрэ был столь любезен, что заказал в пивной "У дофины" еще два перно. При этом он вспомнил не только забавное происшествие на улице Луны, но и маленький кабачок в Каннах, где когда-то вел следствие, и дело вдруг стало не похожим на другие, скучным, как работа, заданная в школе на лето.

Буасье вернулся, держа в руках папку, откуда вытащил сначала антропометрические снимки Альфреда Жюсьома.

- Вот его лицо!

В общем, скорее лицо аскета, чем преступника. Кости, обтянутые кожей, длинные тонкие ноздри, в напряженном взгляде что-то почти мистическое.

Даже на этих примитивных фотографиях анфас и в профиль, без воротничка, с выступающим на шее кадыком угадывалось глубокое одиночество этого человека, выражение лица скорее грустное, совсем не агрессивное.

Чувствуя себя с детских лет зайцем, он считал совершенно естественным, что за ним всегда охотятся.

- Хотите Послушать его послужной список?

- Сегодня это не обязательно. Я предпочитаю просмотреть дело на свежую голову. Сейчас покажите мне другой список.

Последние слова доставили удовольствие Буасье.

Мегрэ и сам прекрасно понимал, что этим он отдавал дань уважения инспектору.

- Откуда вы знаете, что он у меня есть?

- Не сомневаюсь!

Слов нет, Буасье знал свое дело. Речь шла о списке, составленном по книгам фирмы Планшаров. В нем перечислялись сейфы, установленные в то время, когда там работал Фред Унылый.

- Подождите. Сейчас я посмотрю адреса в районе Нейи. Вы уверены, что дело происходило там?

- Так утверждает Долговязая.

- А ведь не так глупо с ее стороны, что она пришла к вам. Но почему именно к вам?

- Потому что шестнадцать или семнадцать лет назад мне довелось ее арестовать и она сыграла со мной довольно мерзкую шутку.

Буасье ничуть не удивился. Чего не бывает с людьми их профессии! Все это было знакомо им обоим. Кабинет наполнился ароматом перно, нежно поблескивавшем в рюмках; оса бешено кружилась, опьяненная этим запахом.

- Банк... Не подходит, конечно... Альфред никогда туда не пойдет. Он остерегается сигнальных аппаратов... Нефтяная компания... Но она уже свыше десяти лет не существует... Парфюмерный магазин... Его хозяин обанкротился в прошлом году.

Наконец палец Буасье указал на какое-то имя, на какой-то адрес.

- Гийом Серр. Дантист. Улица Ла-Ферм, 436, Нейи. Вы это место знаете? Это за зоологическим садом. Улица идет параллельно бульвару Ришар-Валлас.

Они посмотрели друг на друга.

- Вы очень заняты? - спросил Мегрэ.

Он знал, что этим тоже льстит самолюбию Буасье.

- Я уже привожу в порядок дела. Завтра собираюсь в Бретань.

- Съездим туда?

- Сейчас схожу за пиджаком. Сначала позвонить в Брюссель?

- Да. И в Голландию.

- Понятно.

Они вошли в автобус и всю дорогу простояли на площадке. На улице Ла-Ферм, спокойной и провинциальной, заглянули в ресторанчик, где на террасе среди зелени стояло всего лишь четыре столика, решили позавтракать.

В бистро кроме них было только три каменщика в белых блузах, запивавших еду красным вином. Вокруг Мегрэ и Буасье кружились мухи. Напротив, на противоположной стороне улицы, виднелась черная решетка, а за нею, по-видимому, дом 436.

Они не торопились. Если в доме действительно находился труп, убийца, конечно, успел его куда-нибудь сплавить, ведь с того времени, как исчез Жюсьом, прошло более суток.

Официантка в черном платье и белом переднике хотела принять у них заказ, но к ним подошел поздороваться сам хозяин.

- С хорошей погодой, господа!

- Добрый день. Не знаете ли, случайно, нет ли здесь поблизости зубного врача?

Хозяин кивнул.

- Есть один, вон там, на той стороне улицы, но я не знаю, какой он. Жена ходит к другому, на Севастопольский бульвар. Этот, наверное, дорогой. Не видать, чтобы к нему валом валили клиенты.

- Вы его знаете?

- Немного.

Хозяин колебался, с минуту глядел на них обоих, особенно на Буасье.

- А вы из полиции?

Мегрэ предпочел ответить утвердительно.

- Он что-нибудь сделал?

- Нам нужны только кое-какие сведения. Как он выглядит?

- Выше и полнее, чем вы и я, - ответил хозяин, в этот раз поглядев на Мегрэ. - Я вешу девяносто восемь килограммов, а он, должно быть, не меньше ста пяти.

- Сколько ему лет?

- Лет пятьдесят. Вероятно, что-то в этом роде. Не очень опрятный, что довольно странно для зубного врача. Смотрит на всех подозрительно, настоящий старый холостяк.

- Он не женат?

- Подождите... Если я не ошибаюсь, он женился года два назад. В доме еще живет старуха... Видимо, его мать... Каждое утро она ходит на рынок.

- Прислуги нет?

- Есть только приходящая. Я во всем этом не очень уверен. Его я знаю только потому, что он время от времени заходит втихую выпить винца.

- Втихую?

- Если можно так сказать. Такие люди, как он, не очень любят посещать бистро вроде нашего. Когда он заходит, то обязательно оглядывается на свой дом, хочет убедиться, что никто его не видит, а подойдя к стойке, произносит с виноватым видом: "Рюмку красного!" Никогда ничего другого. А я уже заранее знаю, что бутылку убирать не следует, что он захочет повторить. Он выпивает залпом, вытирает рот, а деньги уже заранее приготовлены в руке.

- Он бывает пьян?

- Никогда. Его норма - две рюмки. Я заметил, что, выходя из бистро, он кладет в рот какую-то пряность, чтобы перебить запах алкоголя.

- Как выглядит его мать?

- Маленькая, сухонькая старушонка, всегда ходит в черном, никогда ни с кем не здоровается и с виду не слишком симпатичная.

- А жена?

- Я видел ее только вместе с ним в машине, но говорят, что иностранка. Такая же высокая и крепкая, как он, с румяным лицом.

- Вы думаете, они уехали отдыхать?

- Пойдите! Мне кажется, что два или три дня назад он заходил сюда выпить, как обычно, две рюмки вина.

- Два или три дня назад?

- Одну минутку! В этот вечер слесарь чинил у нас насос для пива. Сейчас спрошу у жены, чтобы не ошибиться.

Это оказалось позавчера, то есть во вторник, за несколько часов до того, как Альфред Жюсьом обнаружил в доме труп женщины.

- Вы запомнили время?

- Обычно он заходит около половины седьмого.

- Он ходит пешком?

- Да. У них, правда, есть старая машина, но в это время он всегда прогуливается пешком здесь поблизости. Вы не могли бы мне сказать, в чем дело?

- Пока еще ни в чем. Просто проверка.

Лицо хозяина выразило явное недоверие.

- Вы еще сюда придете?

И повернувшись в сторону комиссара:

- Вы, случайно, не месье Мегрэ?

- Вам кто-нибудь сказал?

- Да вот каменщик уверяет, что узнал вас. Если это правда, то моя жена будет счастлива увидеть Мегрэ собственной персоной.

- Мы еще к вам зайдем, - успокоил его Мегрэ.

Ничего не скажешь, они прекрасно поели и выпили кальвадоса, которым угостил их хозяин (он был родом из Фалеза), а теперь шли по теневой стороне улицы. Мегрэ медленно попыхивал

трубкой. Буасье зажег сигарету; два пальца на правой руке у него были совсем коричневыми от табака, обкуреными, как трубка.

Можно было подумать, что они находятся более чем в ста километрах от Парижа в каком-нибудь маленьком городке. Частные особняки попадались чаще, чем доходные дома, и многие из них были довольно высокие, построенные сто или двести лет назад.

На этой улице им попала лишь одна ограда, черная решетчатая ограда, за которой расстилалась освещенная солнцем лужайка, похожая на зеленый ковер.

На медной дощечке было выгравировано:

ГИЙОМ СЕРР

Зубной врач А пониже, маленькими буквами:

Прием от 2-х до 5-ти и по договоренности.

Солнце ярко освещало фасад, нагревая его желтоватые камни; все окна, кроме двух, были закрыты ставнями. Буасье почувствовал, что Мегрэ колеблется.

- Вы хотите туда зайти?

Прежде чем перейти через улицу, комиссар оглядел оба ее конца и вдруг нахмурился. Буасье посмотрел в ту сторону, куда был устремлен взгляд комиссара.

- Долговязая! - воскликнул он.

Она шла со стороны бульвара Ришар-Валлас, в той же зеленой шляпке, что и утром. Заметив Мегрэ и инспектора, на мгновение остановилась, потом направилась к ним.

- Вы удивлены, что я здесь?

- Откуда вы узнали адрес?

- Полчаса назад я позвонила вам в полицию, чтобы сообщить, что нашла список. Я знала, что он где-то существует. Я видела, как Альфред просматривал его, ставил какие-то крестики. Выйдя сегодня утром от вас, я вдруг догадалась, где он мог его спрятать.

- Где?

- А я обязана вам сказать?

- Так было бы лучше.

- Не скажу. По крайней мере, сейчас.

- Что вы еще нашли?

- Откуда вы взяли, что я еще что-то нашла?

- Сегодня утром вы мне сказали, что у вас нет денег. Однако сюда вы прикатили на такси.

- Вы правы. Там были и деньги.

- Много?

- Больше, чем я могла подумать.

- Где список?

- Я его сожгла.

- Почему?

- Из-за крестиков. Видимо, так Альфред отмечал адреса домов, где он работал, а я не хочу снабжать вас сведениями, которые могут послужить ему во вред.

Она оглядела дом.

- Вы зайдете туда?

Мегрэ утвердительно кивнул.

- Вы не рассердитесь, если я подожду вас на террасе быстро?

Она говорила только с комиссаром, не обращаясь к Буасье, а тот смотрел на нее довольно строго.

- Как хотите! - ответил Мегрэ.

И, сопровождаемый инспектором, он перешел с теневой стороны улицы на солнечную, в то время как длинный силуэт Эрнестины удалялся по направлению к бистро.

Было десять минут третьего. Если только зубной врач не уехал отдыхать, то, согласно расписанию на медной пластинке, он должен находиться в своем кабинете, ожидая больных. Справа от калитки Мегрэ заметил электрический звонок, нажал кнопку, и дверь автоматически открылась. Они пересекли садик, подошли к дому и на дверях увидели еще одну кнопку звонка. Эта дверь уже не открывалась автоматически.

Слышно было, как прозвенел звонок, но никто не торопился впускать их. Они прислушались и с понимающим видом переглянулись; было ясно, что кто-то стоял по другую сторону двери. Наконец чья-то рука сняла цепочку, щелкнул замок и дверь чуть-чуть приотворилась.

- Вы назначены на прием?

- Мы хотели бы поговорить с доктором Серром.

- Он принимает только по записи.

Щель в дверях не увеличивалась, и сквозь нее с трудом можно было разглядеть худое лицо старухи.

- Судя по надписи на табличке...

- Табличка эта двадцатипятилетней давности.

- Не угодно ли вам будет передать вашему сыну, что его хочет видеть комиссар Мегрэ?

Еще небольшая пауза, и дверь отворилась. Они попали в широкий коридор, выложенный черными и белыми плитками, напоминавшими приемную монастыря, а старой женщине, пропустившей их вперед, вполне подошла бы монашеская одежда.

- Прошу прощения, господин комиссар, но мой сын не очень заинтересован в случайной клиентуре.

Нельзя сказать, чтобы старуха была несимпатичной.

Напротив - в ней было какое-то удивительное изящество и держалась она с достоинством.

- Пожалуйста, входите! Мне придется попросить вас немного обождать. Вот уже несколько лет, как у моего сына появилась привычка, особенно летом, отдыхать после завтрака. Если вам будет угодно - пройдите сюда...

Она открыла ведущую налево двустворчатую дверь из вошеного дуба, и Мегрэ снова показалось, что он в монастыре или даже скорее в богатом доме священника. Вплоть до запаха, тонкого и таинственного, который ему что-то напоминал, - он пытался вспомнить, что именно. В гостиную, куда их проводили, свет проникал лишь через щели ставен, и после царившей на улице жары им показалось, будто они попали в прохладную ванну.

Уличный шум сюда не доходил, и сразу создавалось впечатление, что вот уже больше века в доме ничего не менялось, мягкие кресла, круглые столики, пианино и фарфор всегда стояли на том же месте.

Вплоть до увеличенных фотографий в черных деревянных рамках, висевших на стене и напоминавших снимки времен Надара {псевдоним Феликса Турнашона (1820 - 1910), известного французского журналиста, открывшего в Париже первый салон художественной фотографии и достигшего в искусстве портрета высокого мастерства}. Над камином - портрет какого-то господина с густыми бакенбардами, шея которого была туго стянута воротничком старомодного фасона, а на противоположной стене - портрет женщины лет сорока, причесанной на прямой пробор и походившей на императрицу Евгению.

Старая дама, портрет которой тоже мог бы висеть здесь в такой же рамке, не покидала их.

- Мне не хотелось бы показаться нескромной, месье комиссар, но у моего сына нет от меня секретов.

Мы с ним еще никогда не разлучались, хоть ему перевалило за пятьдесят. Понятия не имею, что могло явиться причиной вашего визита, и перед тем как разбудить его, я предпочла бы узнать...

И, не закончив фразы, она одарила их любезной улыбкой.

- Ваш сын, вероятно, женат?

- Был женат, дважды.

- Его вторая жена сейчас дома?

Тень грусти мелькнула в глазах старухи. А Буасье все вертелся, никак не мог удобно устроиться в кресле.

Чувствовалось, что ему не по себе.

- Ее тут больше нет, месье комиссар.

Неслышным шагом старуха направилась к двери, приоткрыла ее и, вернувшись, села в углу дивана, держась удивительно прямо. Так обычно учат держаться воспитанниц монастыря.

- Надеюсь, она не наделала каких-нибудь глупостей? - тихо спросила старая дама.

Затем, так как Мегрэ промолчал, она тяжело вздохнула и решила заговорить, не дожидаясь ответа.

- Если речь идет о ней, я имею все основания расспросить вас до того, как пойду будить сына. Вы приехали сюда из-за нее, не так ли?

Неужели Мегрэ сделал какой-нибудь утвердительный жест? Если да, то он сам того не заметил. Он был слишком зачарован атмосферой этого дома, а еще больше этой женщиной, за мягкостью которой он угадывал чудовищную энергию.

Ни одной фальшивой ноты ни в ее манере держаться, ни в одежде, ни в голосе. Такую женщину легко можно было представить в каком-нибудь замке или скорее в одном из тех просторных провинциальных домов, которые могли бы служить музеями прошедшей эпохи.

- После смерти первой жены - а она умерла пятнадцать лет тому назад - мой сын долго не думал о вторичной женитьбе.

- Если я не ошибаюсь, он уже два года, как женился во второй раз?

По-видимому, она нисколько не удивилась его осведомленности.

- Это правда. Точнее, два с половиной. Он женился на одной из своих пациенток, женщине тоже не молодой. Тогда ей было сорок семь. Родилась она в Голландии, но переехала в Париж и жила одна. Я ведь тоже не вечная, месье комиссар. Мне уже семьдесят шесть.

- А вам их не дашь.

- Знаю. Моя мать прожила девяносто два года, а бабушка погибла от несчастного случая в восемьдесят восемь.

- А ваш отец?

- Он умер молодым.

Последние слова она произнесла так, словно это не имело значения, словно умирать в молодом возрасте было обычным делом людей.

- Я почти уговорила Гийома жениться вторично, понимая, что иначе, когда меня не будет, он останется одиноким.

- И брак оказался несчастным?

- Это не совсем так. По крайней мере, вначале.

Я думаю, вся беда в том, что она была иностранкой.

Существуют какие-то мелочи, к которым никак нельзя привыкнуть. Я даже не знаю, как это выразить.

Ну, вот хотя бы вопрос кухни, она предпочитала одни блюда, мы - другие. А может быть, выходя замуж за моего сына, она рассчитывала, что он богаче, чем это оказалось в действительности.

- А она не имела состояния?

- Она была довольно обеспечена. Нельзя сказать, что у нее ничего не было, но теперь, когда жизнь так дорожает...

- Когда она умерла?

Старая дама широко раскрыла глаза.

- Умерла?

- Простите, я решил, что она умерла. Ведь вы сами говорите о ней в прошедшем времени.

Старая дама улыбнулась.

- Вы правы. Но говорю я так по другой причине.

Она умерла для нас. Иначе говоря, она от нас уехала.

- После ссоры?

- Гийом не такой человек, чтобы ссориться.

- А может быть, с вами?

- А я для этого уже слишком стара, месье комиссар.

Я слишком много перевидела на своем веку, слишком хорошо знаю жизнь и предоставляю каждому...

- Когда она уехала от вас?

- Два дня назад.

- Она заявила вам о своем отъезде?

- Мы с сыном прекрасно понимали, что этим кончится.

- Она вам об этом говорила?

- Часто.

- Она объясняла причину?

Старая дама ответила не сразу. Казалось, она размышляла.

- Сказать вам честно, что я по этому поводу думаю? Если я колеблюсь, то только из боязни, как бы вы не стали надо мной смеяться, но полагаю, что с комиссаром можно быть такой же откровенной, как с врачом или исповедником.

- Вы католичка, мадам Серр?

- Да. А моя невестка - протестантка. Но это не имело никакого значения. Видите ли, у нее сейчас невыгодный для женщины возраст. Каждая из нас, в течение нескольких лет, как будто сама не своя. Любой пустяк в этот период нас раздражает. Нам легко приходят в голову нелепые идеи.

- Понимаю. И это происходило с вашей невесткой?

- И это, и кое-что другое. В последнее время она только и мечтала о своей родине - Голландии, целые дни проводила за письмами своим голландским подругам.

- Ваш сын ездил с женой в Голландию?

- Нет, ни разу.

- Значит, она уехала во вторник?
- Да. С Северного вокзала. В девять сорок.
- Ночной поезд?
- Да. Целый день она провозилась с упаковкой багажа.
- Ваш сын проводил ее на вокзал?
- Нет.
- Она вызывала такси?
- Она пошла искать машину на углу бульвара Ришар-Валлас.
- Больше она не давала о себе знать?
- Нет, и не думаю, чтобы ей захотелось нам написать.
- Вопрос о разводе не возникал?
- Я же вам сказала, мы католики. А кроме того, у сына нет никакого желания жениться еще раз.
Но мне по-прежнему непонятно, чем же мы обязаны приходу полиции?
- Я хотел бы спросить вас, мадам, что именно происходило в вашем доме во вторник вечером.
Минутку.

У вас ведь нет прислуги?
- Эжени, наша уборщица, приходит ежедневно в девять утра и уходит в пять.
- Сейчас она здесь?
- Нет. Сегодня она выходная. Придет завтра.
- Она живет поблизости?
- Она живет в Пюто. По ту сторону Сены. Как раз над скобяной лавкой напротив места.
- Полагаю, что она помогла вашей невестке упаковать багаж?
- Она снесла вниз чемоданы.
- Сколько их было?
- Один сундук и два кожаных чемодана. И еще шкатулка с драгоценностями и несессер с туалетными принадлежностями.
- Эжени ушла от вас во вторник в пять часов, как обычно?
- Да, как обычно. Простите мое волнение, но мне впервые в жизни приходится отвечать на подобные вопросы, и признаюсь...
- Ваш сын выходил из дому в этот вечер?
- Что вы имеете в виду под словом "вечер"?
- Допустим, незадолго до обеда.
- Он, как обычно, ходил на прогулку.
- Вероятно, пошел выпить аперитив?
- Он не пьет.
- Никогда?
- Нет. Ничего, кроме стакана вина, разбавленного водой, во время еды. Во всяком случае, уж не ту гадость, которую называют аперитивом.

Буасье, чинно сидевший в своем кресле, казалось, втягивал в себя запах аниса, все еще сохранившийся на его усах.

- Как только он вернулся, мы сразу уселись за стол. Он всегда совершает одну и ту же прогулку. Эта привычка осталась у него с тех пор, как мы держали собаку, которую нужно было выводить в одно и то же время. Ну и, конечно, он привык.

- У вас теперь нет собаки?

- Нет, уже четыре года. С тех пор как умер Биби.

- И кошки нет?

- Нет. Моя невестка терпеть не могла кошек. Вот видите! Я невольно говорю о ней в прошедшем времени. Ведь мы воспринимаем теперь этот период как прошлое.

- Вы сели за стол втроем?

- Мария спустилась в столовую в ту минуту, когда я стала разливать суп.

- За обедом не произошло никакой ссоры?

- Нет. Обед прошел в полном молчании. Я понимала, что, несмотря ни на что, Гийом взволнован. С первого взгляда мой сын может показаться человеком холодным, но в действительности он крайне чувствительный.

Когда ты прожил с женщиной свыше двух лет...

Мегрэ и Буасье ничего не услышали. Но у старухи слух был тонкий. Она наклонила голову, словно прислушиваясь. И тут же оплошала: Мегрэ сразу понял и, поднявшись, направился к двери и отворил ее. За дверью стоял человек, который и в самом деле был выше, шире в плечах и толще комиссара. Вид у него был довольно смущенный: должно быть, он уже какое-то время подслушивал разговор в гостиной.

Его мать не солгала, когда сказала, что он отдыхает. Редкие растрепанные волосы прилипли ко лбу, ворот белой рубашки расстегнут. На ногах вышитые домашние туфли.

- Входите, месье Серр, - сказал Мегрэ.

- Прошу прощения. Я услышал шум и подумал...

Он говорил не торопясь, медленно переводя тяжелый взгляд с одного на другого.

- Это господа из полиции, - объяснила ему мать, вставая.

Он ничего не спросил, снова оглядел их и стал застегивать рубашку.

- Мадам Серр сказала нам, что ваша жена уехала позавчера.

На этот раз он, нахмутив брови, посмотрел на старую даму. Хотя его грузное тело казалось мягким, как и лицо, но в отличие от многих толстяков в нем не чувствовалось легкости. Кожа у него была матовая, очень бледная, в ушах и ноздрях виднелись пучки волос, а брови были огромные и кустистые.

- Чего, собственно говоря, хотят от меня эти господа? - спросил он.

- Не знаю.

Мегрэ помолчал, тоже не зная, что ответить, а Буасье недоумевал, как комиссару удастся выпутаться из этого неловкого положения. Ведь это были не такие люди, которым можно вкрутить что угодно.

- По правде говоря, месье Серр, о вашей жене разговор зашел совершенно случайно. Ваша мать сказала нам, что вы отдыхаете, и, поджидая вас, мы говорили о разных вещах. Если вы видите нас здесь, моего коллегу и меня - слово "коллега" для Буасье прозвучало так приятно! - то только потому, что до нас дошли сведения, будто на этих днях была совершена попытка вас ограбить.

Серр был не из той породы людей, которые отводят глаза. Напротив, он в упор смотрел на Мегрэ, словно желая прочесть его мысли.

- Откуда у вас такие сведения?

- Мы получили секретную информацию.

- Полагаю, вы имеете в виду осведомителей?

- Допустим, что это так.

- Очень сожалею господу, но...

- Значит, в вашем доме не было кражи?

- Если бы была, я сам не преминул бы поставить в известность комиссара полиции.

Он и не пытался казаться любезным. На его губах ни разу не промелькнуло и тени улыбки.

- Есть у вас сейф?

- Полагаю, что я вправе и не отвечать на ваш вопрос, но если уж вам это так интересно знать, скажу: сейф у меня действительно есть.

Мать пыталась делать ему какие-то знаки, по-видимому, советовала быть полюбезнее.

Он понимал, чего она хочет, но поступал по-своему.

- Если не ошибаюсь, - продолжал Мегрэ, - речь идет о сейфе фирмы Планшаров, который был установлен здесь восемнадцать лет назад.

Он нисколько не смутился. Он продолжал стоять, в то время как Мегрэ и Буасье сидели в полумраке гостиной; Мегрэ заметил, что у зубного врача такой же толстый подбородок, как и у мужчины на портрете, и такие же густые брови. Для забавы комиссар попытался представить его себе с бакенбардами.

- Я не помню, когда был установлен сейф, и это никого не касается.

- Войдя к вам, я заметил, что на вашей двери надежный запор и цепочка.

- Такое можно увидеть во многих домах.

- Ваша спальня и спальня вашей матери находятся на втором этаже?

Серр демонстративно не желал отвечать.

- Ваш кабинет и приемная находятся на первом?

По жесту старой дамы Мегрэ догадался, что эти комнаты граничат с гостиной.

- Вы разрешите мне туда заглянуть?

Серр колебался, потом открыл рот, и Мегрэ был уверен, что сейчас последует отказ. Видимо, и старуха это почувствовала, потому что сразу же вмешалась:

- Почему же не удовлетворить желание господ?

Пусть они сами убедятся, что никакой кражи не было.

Зубной врач пожал плечами с тем же упрямым и недовольным видом. Он не последовал за ними в соседние комнаты.

Мадам Серр сначала ввела их в кабинет, такой же старомодный, такой же темный, как и гостиная. За стулом с черным кожаным сиденьем возвышался большой темно-зеленый сейф старинной модели. Буасье подошел к нему и профессиональным жестом коснулся металла.

- Теперь вы видите, что все в порядке, - сказала старуха. - Не обижайтесь на моего сына, он в скверном настроении, но...

Она замолчала, заметив, что сын стоит в дверях и смотрит на них злобным взглядом.

Указав на книги в переплетах, стоявшие на полках, она продолжала, стараясь быть любезной:

- Не удивляйтесь, что здесь больше всего книг по праву. Это библиотека моего мужа. Он был адвокатом.

Наконец старуха открыла последнюю дверь. Здесь обстановка была куда проще. Обычный кабинет дантиста с вертящимся креслом и зубоврачебными инструментами. Оконные стекла до половины были матовые.

Проходя на обратном пути через кабинет, Буасье подошел к одному из окон и, проведя рукой по стеклу, многозначительно посмотрел на Мегрэ.

- Давно вы заменили это стекло? - спросил комиссар.

Старуха ответила не колеблясь:

- Четыре дня назад. Окно было открыто во время этой ужасной грозы, которую вы, конечно, помните.

- Вам пришлось вызвать стекольщика?

- Нет.

- Кто же вставил стекло?

- Мой сын. Он любит такую работу. Он сам всегда занимается всякими поделками в доме.

И тут Гийом Серр нетерпеливым голосом произнес:

- Эти господа не имеют никакого права нам надоедать, мама. Не отвечайте им больше.

Незаметно для сына она одарила Мегрэ улыбкой, которая должна была означать: "Не обращайтесь внимания. Я же вам говорила".

Она проводила их до двери - ее сын остался стоять посреди гостиной - и на прощанье, подойдя к Мегрэ вплотную, прошептала:

- Если вам нужно будет со мной поговорить, приходите, когда его нет дома.

Они снова вышли на солнце и сразу почувствовали, что рубашка прилипает к телу.

Пройдя через калитку - ее легкий скрип невольно напомнил калитку в монастыре, - они сразу заметили на противоположном тротуаре зеленую шляпку Эрнестины, сидящей на террасе бистро.

Мегрэ колебался. Они могли свернуть влево, чтобы избежать встречи. А так могло создаться впечатление, что они подошли к ней, чтобы отчитаться.

И все же, видимо, из какого-то чувства справедливости комиссар проворчал:

- Пойти, что ли, выпить кружку пива?

Эрнестина с вопрошающим видом смотрела, как они приближались к бистро.

Глава 3,

в которой Эрнестина стыдливо набрасывает на себя халат, а старая дама из Нейи наносит визит Мегрэ.

- Что ты сегодня делал? - спросила мадам Мегрэ, когда они уселись за стол у открытого окна.

В домах напротив люди тоже ужинали. Мужчины сбросили пиджаки, и в темноте резко выделялись светлые пятна их рубашек. Другие, уже успевшие поесть, облокотившись о подоконник, смотрели на улицу. Слышались звуки музыки, передаваемой по радио, крик грудного ребенка, шум голосов. У некоторых дверей на стульях, вынесенных на тротуар, сидели консьержки.

- Ничего особенного, - ответил Мегрэ. - История с одной голландкой. Может быть, она убита, а может быть, где-то и существует.

Рано еще было об этом говорить. В общем, он вел себя сегодня довольно лениво. Они долго просидели на террасе маленького бистро в Нейи, он, Буасье и Эрнестина. Из всех троих больше всего была возбуждена Долговязая.

Она возмущалась:

- Значит, он сказал, что это вранье?

Хозяин принес кружки с пивом.

- По правде говоря, он ничего не сказал. Разговаривала с нами его мать, а сам зубной врач скорее выставил нас за дверь.

- Он утверждает, что в его кабинете не было трупа?

Видимо, Эрнестина уже успела расспросить хозяина бистро об обитателях дома за оградой.

- Тогда почему же он не сообщил в полицию, что его пытались ограбить?

- Он говорит, что никто и не пытался его ограбить.

Она, видимо, знала привычки Фреда Унылого:

- А разве в окне не вырезали стекло?

Буасье посмотрел на Мегрэ, словно советуя молчать, но Мегрэ не обратил на это внимания.

- Одно стекло действительно недавно заменили.

Но, кажется, оно было разбито четыре или пять дней назад, в тот вечер, когда была ужасная гроза.

- Он врет!

- Ну конечно, кто-то здесь врет.

- Вы думаете, это я?

- Я этого не сказал. Может быть, и Альфред.

- А к чему тогда он плел мне эту историю по телефону?

- Может быть, он ее и не рассказывал, - вмешался в разговор Буасье, пытливно глядя на Долговязую.

- С чего бы я все это придумала? Вы тоже так считаете, месье Мегрэ?

- Я ничего не считаю.

Комиссар неопределенно улыбался.

Пиво было отменное. В тени пахло свежестью, как в деревне. Может быть, из-за близости Булонского леса.

Так они бездельничали всю вторую половину дня.

Выпили по две кружки пива. Потом, чтобы не оставлять Эрнестину одну так далеко от центра, подвезли ее на такси до Шатле.

- Позвоните мне, как только получите письмо.

Он чувствовал, что разочаровал ее. Она, конечно, представляла его себе иным. Наверное, подумала, что он постарел, стал таким же, как другие, и если и займется ее делом, то вяло, с прохладцей.

- Вы хотите, чтобы я задержался в Париже? - спросил Буасье.

- Наверное, ваша жена уже упаковала багаж?

- Багаж уже на вокзале. Мы предполагали выехать завтра утром шестичасовым поездом.

- И дочь с вами?

- Конечно.

- Поезжайте!

- А я вам не понадоблюсь?

- Ведь вы мне оставили досье.

Буасье распрощался и вышел из кабинета, а Мегрэ, оставшись один, чуть было не задремал в своем кресле. Оса уже больше не жужжала. Солнце перешло теперь на другую сторону набережной. Люка еще днем сдал дела и уехал отдыхать. Комиссар позвал Жанвье, который отгулял свой отпуск первым, в июне - ему нужно было съездить на свадьбу к родственникам.

- Садись, Жанвье. У меня к тебе дело. Составил рапорт?

- Только что закончил.

- Ладно! Записывай! Прежде всего нужно найти в мэрии Нейи девичью фамилию одной голландки, которая два с половиной года назад вышла замуж за некоего Гийома Серра, проживающего на улице Ла-Ферм, дом номер 436.

- Нет ничего проще.

- Вероятно. До этого она уже какое-то время жила в Париже. Постарайся узнать, где она жила, что делала, как родные, есть ли у нее состояние и так далее...

- Понял, патрон.

- Нам сказали, что во вторник, между восьмью и девятью часами вечера, она уехала из дома на улице Ла-Ферм и должна была сесть на ночной поезд, идущий в Голландию. Еще говорят, что она сама пошла за такси на угол бульвара Ришар-Валлас, чтобы увезти свой багаж.

Жанвье записывал все это в столбик на странице своей записной книжки.

- Это все?

- Нет. Пусть тебе кто-нибудь поможет, чтобы выиграть время. Еще мне бы хотелось, чтобы порасспросили людей, живущих поблизости от Серров, поставщиков...

- Сколько их в семье?

- Двое. Мать и сын. Матери уже около восьмидесяти. Сын - зубной врач. Попытайся разыскать это такси. Надо также навести справки на вокзале, поговорить с персоналом, обслуживающим этот поезд.

- Могу я взять машину?

- Конечно.

Больше Мегрэ почти ничего и не делал. Только попросил соединить его с бельгийской полицией, куда были переданы приметы Фреда Уньолого. В полиции ответили, что пока на след напасть не удалось. Был у него еще долгий разговор с комиссаром, визировавшим паспорта на границе, в Жемоне. Комиссар в тот день лично осматривал поезд, на котором собирался уехать Альфред, но пассажира, напоминавшего специалиста по сейфам, припомнить не мог.

Это еще ничего не значило. Нужно было ждать.

Подписав несколько бумажек за начальника полиции, Мегрэ, в компании с одним сотрудником из справочного отдела, выпил аперитив в пивной "У дофины", а потом сел в автобус и возвратился домой.

- Что будем делать? - спросила мадам Мегрэ, убрав со стола.

- Пойдем прогуляться.

Это означало, что они не спеша дойдут до Больших бульваров, а там посидят на террасе какого-нибудь кафе.

Солнце уже зашло. Воздух стал свежее. Только от камней тротуаров, казалось, еще исходило тепло. Двери и окна кафе были приотворены, и оттуда доносились обрывки мелодии, которую исполнял жалкий оркестрик.

Большинство посетителей, как и супруги Мегрэ, молча сидели за круглыми столиками, глядя на прохожих.

В сумерках лица становились все более и более неясными. Потом зажглись фонари, и все приняло иной вид.

Посидев, они, как и другие пары, медленно направились домой. Рука мадам Мегрэ опиралась на руку мужа.

На следующий день солнце светило все так же ярко.

Вместо того чтобы отправиться в уголовную полицию, Мегрэ сделал крюк и, пройдя через набережную Жемапп, у шлюза Сен-Мартен отыскал выкрашенное зеленой краской бистро с вывеской "Вина и закуски в любое время", и, войдя, облокотился о стойку.

- Белого вина!

И тут же задал вопрос. Овернец, обслуживавший его, не колеблясь, ответил:

- Точно не скажу, который это был час, но телефон действительно звонил. Уже рассвело. Мы с женой не стали подходить. В такое время нам никто не может звонить, а Эрнестина спустилась, и я слышал, как она долго разговаривала.

По крайней мере, тут уж Долговязая не соврала!

- В котором часу Альфред ушел из дому накануне?

- В одиннадцать, что ли? А может быть, немного раньше. Помню, что он уехал на велосипеде.

Дверь из бистро выходила прямо в коридор, откуда лестница вела в верхние этажи. Стены на лестнице были выбелены, как в деревне. Слышался гул подъемного крана, разгружавшего стоящую неподалеку баржу с песком.

Мегрэ постучал, дверь тут же приоткрылась, и на пороге показалась Эрнестина в одной рубашке.

- Ах, это вы! - несколько не удивившись, сказала она и, взяв с неубранной постели халат, быстро надела его.

Может быть, Мегрэ улыбнулся, вспомнив прежнюю Эрнестину?

- Знаете, это я, чтобы пощадить вас. Теперь на все это не так уж приятно смотреть, - пояснила она.

Окно в комнате было открыто. На подоконнике стояла ярко-красная герань. Покрывало на постели тоже было красное. Из комнаты дверь вела в маленькую кухню, откуда доносился вкусный запах кофе.

Он и сам хорошенько не знал, зачем пришел сюда.

- Вчера вечером ничего не получили до востребования?

Она ответила с тревогой в голосе:

- Нет. Ничего.

- Вам не кажется странным, что он не написал?

- Быть может, это он из осторожности. Видимо, Фред удивлен, что обо всем этом ничего не пишут в газетах. Он, наверное, думает, что за мной следят. Я сейчас как раз собиралась сходить на почту.

В углу валялся старый чемодан.

- Это его вещи?

- И его, и мои. У нас обоих не больно-то густо.

Потом, многозначительно посмотрев на него, заметила:

- Вам хочется устроить обыск? Ну что ж. Я понимаю. Вам это нужно сделать. Здесь есть кое-какие инструменты. Они у него в двух экземплярах. Еще два старых костюма, несколько платьев, немного белья.

Продолжая говорить, она выкладывала на стол содержимое чемодана, открывала ящики комода.

- Я подумала и поняла то, что вы вчера говорили.

Кто-то здесь, конечно, наврал, иначе быть не может.

Либо эти люди, мать и сын, либо Альфред или я. У вас нет никаких оснований верить нам больше, чем им.

- Есть у Альфреда родственники в деревне?

- Да у него вообще нет родственников. Он знал только мать, но она умерла уже двадцать лет назад.

- Вы с ним никогда не уезжали из Парижа?

- Никогда дальше Корбея.

В Корбее он скрываться не мог. Слишком это близко от Парижа. Мегрэ уже начинал думать, что и в Бельгию он не уехал.

- Не называл ли он вам какие-нибудь места, где хотел бы побывать?

- Он частенько говорил, что хочет навсегда поселиться в деревне, но не уточнял где. Это было его давнишней мечтой.

- Вы родились в деревне?

- Да. В поселке Сен-Мартен-де-Пре, близ Невера.

Она вытащила из ящика почтовую открытку с изображением деревенской церкви. Напротив церкви виднелся прудок, куда скот ходил на водопой.

- Вы ему это показывали?

Она поняла. Такие женщины, как Эрнестина, понимают сразу.

- Я бы очень удивилась, если бы он поехал туда.

Звонил он мне действительно из кафе возле Северного вокзала.

- Откуда вы знаете?

- Вчера вечером я отыскала этот бар. Это на улице Мобеж, рядом с магазином чемоданов. Называется он "Восточный бар". Хозяин вспомнил Фреда, потому что в этот день он был его первым клиентом.

Хозяин только успел включить кофеварку, как вошел Альфред. Кстати, не желаете ли чашечку кофе?

Ему не хотелось отказываться, но он только что выпил белого вина.

Мегрэ с трудом нашел такси и велел шоферу ехать в "Восточный бар".

- Да, помним такого, низенький, худощавый человек с печальным лицом и красными, словно заплаканными, глазами, - сказали ему.

Нет сомнения, Альфред Жюсьом, у которого часто краснели веки.

- Он долго говорил по телефону, потом выпил две чашечки кофе без сахара и направился в сторону вокзала, все время оглядываясь, словно боялся, что за ним следят. Он что-нибудь натворил?

Только в десять часов Мегрэ наконец поднялся по лестнице уголовной полиции. Проходя по коридору, он не посмотрел, как обычно, сквозь стеклянную перегородку в зал ожидания, направился прямо в комнату инспекторов, где почти никого не оказалось.

- Жанвье еще не приходил?

- Приходил около восьми и снова ушел. Он оставил на вашем столе записку.

В записке значилось:

"Женщину зовут Мария Ван Аэртс. Ей 51 год. Родилась она в Снееке, в Голландии. Я поехал в Нейи, в семейный пансион на улице Лоншан, где она проживала. Такси пока обнаружить не удалось. Вокзалом занимается Ваше".

В дверь просунулась голова Жозефа, рассыльного.

- Я не видел, как вы вошли, месье Мегрэ. А вас уже полчаса ожидает какая-то дама.

Он протянул комиссару бланк, на котором старая мадам Серр мелким остроконечным почерком проставила свое имя.

- Можно ей войти?

Мегрэ снова надел пиджак, который только что снял, затем встал, открыл окно, набил трубку и снова сел.

- Да, пусть войдет!

Мегрэ подумал, как она будет выглядеть вне стен своего дома, но, к его удивлению, вид у старой женщины оказался вполне благообразным. Она была не в черном, как накануне, а в платье из ткани с темным рисунком на белом фоне. Шляпка на ней совсем не казалась смешной, и держалась старая дама вполне непринужденно.

- Вы, наверное, ожидали увидеть меня здесь, не так ли, месье комиссар?

Он не ожидал ее и уклонился от ответа.

- Садитесь, мадам!

- Спасибо.

- Дым вам не помешает?

- Мой сын не выпускает изо рта сигары. Вчера я была так смущена тем, как он вас принял. Я знаками пыталась дать вам понять, чтобы вы не настаивали.

Ведь я его знаю.

Она казалась спокойной, говорила не спеша и иногда улыбалась комиссару так, как будто они должны были понимать друг друга.

- Мне кажется, я его плохо воспитала. Видите ли, у меня он один, а когда умер мой муж, сыну едва исполнилось семнадцать. Я его избаловала. Гийом был единственным мужчиной в доме. Если у вас есть дети, то вы...

Мегрэ смотрел на нее, пытаясь представить себе это, но не смог.

- Вы родились в Париже?

- Да, в доме, где вы были вчера.

Удивительное совпадение, что в этой истории были замешаны двое людей, родившихся в Париже. Обычно люди, с которыми ему приходилось иметь дело, были в большей или в меньшей степени связаны с провинцией.

- А ваш муж?

- Его отец еще до рождения сына уже имел адвокатскую контору на улице Токвиль в семнадцатом округе.

Так, значит, уже трое! И все-таки атмосфера дома на улице Ла-Ферм была совершенно провинциальной.

- Мы с сыном почти всегда жили вдвоем, и от этого, как мне кажется, он немного одичал.

- Но ведь он был женат в первый раз еще до этого брака?

- Да, но его жена прожила недолго.

- Через сколько лет после замужества она умерла?

Старая женщина открыла рот. Мегрэ понял, что внезапная мысль заставила ее заколебаться. Ему даже показалось, что на щеках у нее выступил легкий румянец.

- Через два года, - наконец произнесла она, - странно, не так ли? Меня это только сейчас поразило. Ведь с Марией он тоже прожил два года.

- Кто была его первая жена?

- Женщина из прекрасной семьи, Жанна Девуазен, с которой мы как-то познакомились в Дьеппе. В ту пору мы ездили туда отдыхать каждое лето.

- Она была моложе вашего сына?

- Поймите! Ему было тридцать два года... А ей примерно столько же. Она была вдова.

- Детей у нее не было?

- Нет. По-моему, у нее не было и родственников, кроме сестры, которая жила в Индокитае.

- От чего она умерла?

- От сердечного приступа. У нее было слабое сердце, и она большую часть времени проводила у врачей.

Она снова улыбнулась:

- Да, ведь я еще не сказала, почему я к вам явилась. Вчера, когда сын отправился совершать свою обычную прогулку, я чуть было вам не позвонила, но потом подумала, что правильнее будет нанести вам визит. Я хочу извиниться за тот прием, который Гийом оказал вам, и заверить вас, что его плохое настроение никак не связано с вашим приходом. Просто у него вспыльчивый характер.

- Я это заметил.

- При одной мысли, что вы могли его заподозрить в чем-то неблагоприятном... Это у него с детства...

- Он мне солгал?

- Простите?

Лицо старой дамы выражало искреннее удивление.

- С чего вы взяли, что он солгал? Я не понимаю.

Ведь вы, собственно говоря, не задавали вопросов. Я специально пришла к вам сегодня, чтобы на них ответить, если бы вы захотели мне их задать. Скрывать нам нечего. Мне и в голову не приходит, что вас могло к нам привести. Здесь, видимо, какое-нибудь недоразумение или козни кого-нибудь из соседей.

- Когда было разбито окно?

- Я вам уже говорила, а может быть, говорил мой сын. У меня уже все перемешалось в памяти. На прошлой неделе во время грозы. Я была на втором этаже и не успела закрыть все окна, как вдруг услышала звон разбитого стекла.

- Это было днем?

- Примерно около шести часов вечера.

- Значит, к тому времени ваша прислуга Эжени уже ушла?

- Она уходит в пять. Кажется, я вам это тоже говорила. Я не сказала сыну, что иду к вам. Я подумала, что вы, может быть, захотите осмотреть дом, а это лучше всего сделать в его отсутствие.

- Иначе говоря, во время его обычной прогулки в конце дня?

- Да. Прошу вас также учесть, что нам абсолютно нечего скрывать. Если бы не характер Гийома, все бы выяснилось еще вчера. Заметьте, мадам Серр, что вы пришли сюда по собственному желанию.

- Конечно.

- И вы сами просите, чтобы я задавал вам вопросы.

Она утвердительно качнула головой.

- Итак, вернемся к событиям, начиная с последней трапезы, которую вы провели вместе: вы, ваш сын и ваша невестка. Багаж вашей невестки уже был упакован. Где он находился?

- В коридоре.

- Кто снес его вниз?

- Эжени снесла чемоданы, а мой сын взял сундук, который для нее был слишком тяжел.

- Сундук очень большой?

- Дорожный сундук. До замужества Мария много путешествовала, жила в Италии, в Египте.

- Что вы ели на ужин?

Казалось, вопрос ее позабавил и удивил.

- Пойдите! Поскольку кухней занимаюсь я сама, я сейчас вспомню. Сначала овощной суп. Мы всегда едим овощной суп, это полезно. Потом жареную рыбу с картофельным пюре.

- А на десерт?

- Шоколадный крем. Да. Мой сын с детства обожает шоколадный крем.

- Никакой ссоры за столом не произошло? В котором часу закончился ужин?

- Около половины восьмого. Я сложила посуду в раковину и поднялась наверх.

- Значит, вы не присутствовали при отъезде вашей невестки?

- Я и не хотела. Такие минуты весьма неприятны, а я стараюсь оградить себя от волнений. Я попрощалась с ней внизу, в гостиной. Я на нее совсем не в обиде. У каждого свой характер и...

- Где в это время был ваш сын?

- Думаю, что в своем кабинете.

- Вы не знаете, разговаривал ли он с женой перед ее отъездом?

- Вряд ли. Она снова поднялась наверх. Я слышала, как она ходила по комнате, готовилась к отъезду.

- Ваш дом, как и большинство старых домов, построен из прочных материалов. Вряд ли со второго этажа можно слышать шум на первом.

- Это ко мне не относится, - ответила она, недовольно поморщившись.

- Что вы этим хотите сказать?

- Что у меня тонкий слух. Я слышу малейший скрип паркета.

- Кто пошел за такси?

- Мария. Я вам уже вчера говорила.

- Долго она отсутствовала?

- Довольно долго. Поблизости от нас нет стоянки, и приходится ловить попутную машину.

- Вы подошли к окну?

Она едва заметно поколебалась.

- Да.

- Кто донес сундук до такси?

- Шофер.

- Вы не знаете, какой компании принадлежала эта машина?

- Откуда мне это знать!

- Какого она была цвета?
- Красновато-коричневого, с гербом на дверце.
- Вы не запомнили внешность шофера?
- Точно не помню. Кажется, он был небольшого роста, скорее толстый.
- Как была одета ваша невестка?
- На ней было сиреневое платье.
- Без пальто?
- Пальто она держала на руке.
- Ваш сын по-прежнему оставался в своем кабинете?
- Да.
- Что же произошло потом? Вы спустились вниз?
- Нет.
- Вы не заходили в кабинет сына?
- Нет. Он поднялся ко мне.
- Сразу?
- Вскоре после отъезда такси.
- Он был взволнован?
- Примерно такой, каким вы его видели. Характер у него скорее угрюмый, но я вам уже объясняла, что на самом деле человек он очень чувствительный и малейшее происшествие глубоко его трогает.
- Он знал, что жена больше к нему не вернется?
- Догадывался.
- Она ему говорила?
- Точно не утверждала. Но дала это понять. Она говорила, что ей необходимо изменить обстановку, снова увидеть родину. Коль уже об этом зашел разговор, вы сами понимаете...
- Что вы делали потом?
- Привела в порядок волосы ко сну.
- Сын был в вашей комнате?
- Да.
- Он не выходил из дому?
- Нет. А зачем?
- Где он держит свою машину?
- В ста метрах от нас есть старые конюшни, переделанные в гаражи для частных машин. Гийом снимает один из этих гаражей.
- Таким образом, он может взять или поставить машину незаметно?
- А зачем ему прятаться?
- Он спускался еще раз вниз?
- Не знаю. Думаю, что да. Я ложусь спать рано, а У него привычка читать до одиннадцати или даже до двенадцати.
- В кабинете?
- Да. Или у себя в спальне.
- А она возле вашей?

- Да. Рядом. Нас разделяет только ванная.
- Вы слышали, как он ложился спать?
- Конечно.
- В котором часу это было?
- Я не зажигала свет.
- Больше никакого шума вы не слышали?
- Нет.
- Наверное, утром вы спускаетесь вниз первая?
- Летом я всегда спускаюсь уже в половине седьмого.
- Вы заходили в комнаты?
- Сначала зашла в кухню, чтобы согреть воду. Потом открыла окна. В такое время воздух еще свежий.
- Значит, вы заходили и в кабинет?
- Вероятно.
- А точно не помните?
- Как же, скорее всего, заходила.
- Выбитое стекло было уже вставлено?
- Кажется, да... Конечно...
- Вы не заметили в комнате никакого беспорядка?
- Никакого... Ну, конечно, как всегда, в пепельницах окурки сигар, валяются две-три книги. Не понимаю, что происходит, месье Мегрэ? Как вы видите, я честно отвечаю на ваши вопросы. Я и пришла для того, чтобы на них ответить.
- Потому что вы встревожены?
- Нет. Потому что меня смутил прием, который мой сын оказал вам. А еще потому, что я угадываю: за вашим визитом скрывается какая-то тайна. Женщины больше принимают все к сердцу, чем мужчины. При жизни мужа, когда в доме раздавался какой-нибудь шум, он как ни в чем не бывало лежал себе в кровати, а я вскакивала и бежала узнать, что произошло. Вы меня понимаете? Наверное, ваша жена такая же. В сущности, по этой причине я и пришла к вам. Вы что-то говорили насчет ограбления. Вы, кажется, беспокоитесь за Марию.
- Вы от нее ничего не получили?
- А я и не рассчитываю получить. Вы что-то скрываете, и это меня тревожит. Для меня даже в ночных шорохах нет ничего таинственного. Мне кажется, достаточно посмотреть на вещи трезвыми глазами - и все становится ясно.
- Она уверенно глядела на него, и у Мегрэ даже создалось впечатление, что она считает его ребенком, вторым Гийомом. Она словно хотела сказать: "Расскажите все, что у вас на душе. Не бойтесь! Вы увидите, все прояснится".
- Мегрэ тоже посмотрел ей прямо в лицо.
- В ту ночь в ваш дом влез один человек.
- Глаза старой дамы выражали недоверие, с оттенком сочувствия, словно она жалела комиссара за то, что он все еще верит в оборотней.
- Зачем?
- Чтобы ограбить сейф.
- И он это сделал?
- Он залез в дом, предварительно вырезав стекло, чтобы открыть задвижку.

- Стекло, которое уже разбилось во время бури?

Видимо, он потом его снова вставил?

Она по-прежнему решительно отказывалась принимать его слова всерьез.

- Что же он унес?

- Он ничего не унес, потому что его электрический фонарик вдруг осветил предмет, который он никак не рассчитывал увидеть в этой комнате.

Она по-прежнему улыбалась.

- Что же это за предмет?

- Труп пожилой женщины, который, вполне возможно, мог быть трупом вашей невестки.

- Он вам это сказал?

Мегрэ посмотрел на руки в белых перчатках, которые совсем не дрожали.

- Почему вы не попросите этого человека, чтобы он явился и сам высказал мне эти обвинения?

- Потому что его нет в Париже.

- А вы не можете его вызвать?

Мегрэ предпочел не ответить. Он был не слишком доволен собой. Он даже подумал, не поддался ли и он сам влиянию этой женщины, своей снисходительной невозмутимостью напоминавшей настоятельную монашину.

- Я не знаю, о ком идет речь, и у вас об этом не спрашиваю. У вас, конечно, есть основания верить этому человеку. Как же, ведь это взломщик, не так ли? А я всего лишь восьмидесятилетняя старуха, которая никому в жизни не причинила зла. Позвольте же мне, коль я уже об этом узнала, настоятельно просить вас прийти к нам. Я открою вам все двери и покажу все, что вы пожелаете. А мой сын, когда он будет в курсе дела, со своей стороны не станет уклоняться от ответов на ваши вопросы. Когда же вы придете, месье Мегрэ?

Теперь она встала, все так же непринужденно; в ее манере держаться не чувствовалось ничего, агрессивного, разве только в выражении лица немного горечи.

- Может быть, сегодня днем. Я еще не знаю. Ваш сын в последние дни пользовался машиной?

- Вы сможете задать ему этот вопрос.

- А он сейчас дома?

- Вероятно. Когда я уходила, он был дома.

- Эжени сейчас тоже у вас?

- Конечно.

- Благодарю вас.

Он проводил ее до двери. Выходя из кабинета, она обернулась.

- Я хочу попросить вас об одном одолжении, - сказала она мягко. - Когда я уйду, попытайтесь хоть на минутку встать на мое место, забыть, что вы всю жизнь занимаетесь преступлениями. Представьте себе, что это вам неожиданно задают такие вопросы, которые вы задавали мне, что вас подозревают в том, будто вы кого-то хладнокровно убили.

Уходя, она добавила:

- До скорой встречи, месье Мегрэ.

Дверь закрылась, а он с минуту простоял неподвижно, потом подошел к окну и увидел, как старая дама мелкими шажками идет под палящим солнцем, направляясь к мосту Сен-Мишель.

Мегрэ снял телефонную трубку:

- Соедините меня с полицейским комиссариатом в Нейи!

Он вызвал не комиссара, а инспектора, с которым был знаком.

- Ванно? Это Мегрэ. Все в порядке, спасибо! Послушай, что я тебе скажу. Дело довольно деликатное.

Сейчас ты сядешь в машину и поедешь на улицу Ла-Ферм, номер 436.

- К зубному врачу? Жанвье был здесь вчера вечером и говорил мне об этом. Кажется, речь идет об одной голландке?

- Не важно. Дело срочное. Тип этот не слишком любезный, а я не хочу пока брать ордер. Нужно действовать быстрее, пока не вернулась домой его мать.

- А она далеко?

- На мосту Сен-Мишель. Наверное, она сейчас возьмет такси.

- Что мне делать с этим типом?

- Увести его из дома под любым предлогом. Наплети ему что-нибудь. Скажи, например, что тебе нужны его свидетельские показания.

- А потом?

- Потом приеду я. Сейчас уже спускаюсь и сажусь в машину.

- А если дантиста не окажется дома?

- Подождешь где-нибудь рядом и удержишь перед тем, как он успеет войти к себе.

- Это не совсем законно.

- Совсем незаконно.

И прежде чем Ванно повесил трубку, Мегрэ добавил:

- Захвати кого-нибудь с собой и поставь на посту напротив конюшен, которые превращены в гараж и находятся на той же улице. Один из гаражей снимает дантист.

- Понял.

Через минуту Мегрэ сбежал по лестнице и сел в одну из полицейских машин, стоящих во дворе. Когда автомобиль повернул в сторону Нового моста, ему показалось, что промелькнула зеленая шляпка Эрнестины. Но он не был в этом уверен и решил не терять времени. В сущности, он скорее уступил своему чувству досады на Долговязую.

Когда проехали Новый мост, Мегрэ стал раскаиваться, но было уже поздно.

- Ну и черт с ней! Пусть подождет.

Глава 4,

в которой подтверждается, что допросы не похожи один на другой, и в которой суждения Эжени не мешают ей сделать категорическое заявление.

Полицейский комиссариат находился на первом этаже мэрии, уродливого квадратного здания, расположенного на участке земли, обсаженном чахлыми деревьями.

Над дверью свисал грязный флаг. Мегрэ мог бы прямо с улицы войти в комнаты инспекторов, но, чтобы не столкнуться лицом к лицу с Гийомом Серром, он долго бродил по коридорам, где гуляли сквозняки, и в конце концов заблудился.

В опустевших комнатах на столах трепыхались от ветра какие-то бумажки. В других кабинетах сидели служащие без пиджаков и рассказывали пикантные пляжные истории. Редкие налогоплательщики с обескураженным видом бродили по коридору в поисках комнаты, где им подпишут бумагу или поставят печать.

Наконец Мегрэ увидел полицейского, который его узнал.

- Где я могу найти инспектора Ванно?

- Второй кабинет налево. Третья дверь.

- Не можете ли вы зайти к нему и попросить его выйти? У него в кабинете, вероятно, сидит один человек. Только не произносите вслух мое имя.

Через несколько минут к нему вышел Ванно.

- Он в кабинете?.. Как все это происходило?

- Да, в общем, никак. Довольно просто. Я предусмотрительно взял с собой повестку из комиссариата.

Позвонил. Открыла служанка, и я сказал, что хочу видеть хозяина. Пришлось подождать несколько минут в коридоре, пока этот тип спустился вниз. Я протянул ему бумажку. Он прочитал, посмотрел на меня, но промолчал. "Если вам будет угодно, - сказал я, - можете пойти вместе со мной. Меня ждет машина". Пожав плечами, он снял с вешалки панаму, надел ее и последовал за мной. Теперь он сидит на стуле в моем кабинете, но до сих пор не проронил ни слова.

Через несколько минут Мегрэ вошел в кабинет Ванно и увидел Гийома Серра, который курил очень черную сигару. Комиссар сел за стол в кресло инспектора.

- Прошу прощения, месье Серр, за то, что мне пришлось вас потревожить, но я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Как и накануне, огромный дантист смотрел на него тяжелым взглядом, и в его темных глазах не промелькнуло и тени симпатии. Мегрэ вдруг сообразил, на кого похож этот человек - на турка, какими их раньше изображали на картинках. Он был такой же толстый, тяжеловесный и, вероятно, такой же могучий. Ибо, несмотря на свою тучность, он производил впечатление человека очень сильного. В нем также чувствовалось пренебрежительное спокойствие паши, изображенного на пачке сигарет.

Вместо того чтобы утвердительно кивнуть, произнести какую-нибудь вежливую фразу или даже протестовать, Серр вытянул из кармана желтоватую бумажку и заглянул в нее.

- Я был вызван комиссариатом полиции Нейи, - сказал он, - и жду, чтобы мне сообщили, чего хочет от меня комиссариат.

- Следовательно, вы отказываетесь мне отвечать?

- Категорически.

Мегрэ колебался. Он видел на своем веку разных людей: настойчивых, упрямых, скрытных, хитрецов, но никто еще никогда не отвечал ему так спокойно и решительно.

- Полагаю, что настаивать бесполезно?

- Я так думаю.

- Или пытаться вам доказать, что ваше поведение не послужит вам на пользу?

На этот раз его собеседник ограничился вздохом.

- Прекрасно. Подождите. Сейчас вас примет комиссар полиции.

Мегрэ пошел в кабинет к комиссару, который не сразу понял, чего от него хотят, и согласился очень неохотно. Кабинет у него был более комфортабельный, можно сказать, почти роскошный по сравнению с другими помещениями полиции. На камине стояли мраморные часы.

- Проводите ко мне месье Серра! - сказал комиссар дежурному.

Он указал ему на стул, обитый красным плюшем.

- Садитесь, месье Серр. Речь идет об обычной проверке, и я вас не задержу.

Комиссар полиции пробежал глазами бумагу, которую ему только что принесли.

- Итак, месье Серр, вы являетесь владельцем машины с номерным знаком РС 88-22 Л?

Дантист утвердительно кивнул. Мегрэ уселся на подоконник, не спуская глаз с Серра.

- Эта машина по-прежнему у вас?

Снова утвердительный кивок.

- Когда вы пользовались ею в последний раз?

- Полагаю, что я вправе узнать, в связи с чем мне задаются все эти вопросы?

Комиссар полиции заерзал на стуле. Ему совсем не по душе была задача, которую взвалил на него Мегрэ.

- Предположим, что ваша машина стала причиной автомобильной аварии...

- А разве это случилось?

- Предположим, что нам сообщили, будто машина с таким номером кого-то сбила.

- Когда?

Чиновник бросил на Мегрэ укоризненный взгляд.

- Во вторник вечером.

- Где?

- Неподалеку от Сены.

- Во вторник вечером моя машина не выезжала из гаража.

- Может быть, кто-нибудь воспользовался ею без вашего ведома?

- Не думаю. Гараж запирается на ключ.

- Вы утверждаете, что не пользовались своей машиной ни во вторник вечером, ни позднее, в ночь на среду?

- А где свидетели происшествия?

Комиссар снова с отчаянием взглянул на Мегрэ.

А тот, понимая, что все это ни к чему не приведет, сделал ему знак, чтобы он не настаивал.

- У меня к вам, месье Серр, больше вопросов нет.

Благодарю вас.

Дантист поднялся, на какое-то мгновение он словно заполнил своей массой весь кабинет. Потом надел панаму и вышел, пристально посмотрев на Мегрэ.

- Я сделал все, что мог. Вы видели, - сказал комиссар полиции.

- Я видел.

- Вас это на что-нибудь натолкнуло?

- Может быть.

- С этим человеком мы еще хватим фунт лиха. Он знает свои права.

- Понимаю.

Можно было подумать, что Мегрэ своим видом невольно подражает дантисту. Такой же тяжеловесный и мрачный, он встал и направился к двери.

- Скажите, Мегрэ, а в чем его обвиняют?

- Пока еще не знаю. Возможно, он убил свою жену.

По дороге он заглянул в кабинет Ванно, чтобы поблагодарить инспектора, а потом вышел на улицу, где его ожидала машина уголовной полиции. Но перед тем как сесть в машину, он зашел в бар, тут же на углу, и пропустил стаканчик. Проходя мимо зеркала, Мегрэ вдруг подумал, как бы он выглядел, если бы надел панаму, и тут же лукаво усмехнулся при мысли, что все это напоминает состязание двух борцов тяжелого веса.

- Поезжайте по улице Ла-Ферм, - сказал он шоферу.

Неподалеку от дома 436 они заметили Серра, который шел по тротуару крупными, немного вялыми шагами. Во рту у него, как всегда, торчала длинная сигара. Проходя мимо гаража, он, видимо, заметил стоявшего на посту инспектора, спрятаться которому было негде.

Мегрэ колебался, не зная, остановить ли ему машину у дома с черной оградой. Но зачем? Все равно в дом его не впустят.

Эрнестина ждала его за стеклянной перегородкой в приемной на набережной Орфевр, и он пригласил ее в кабинет.

- Есть что-нибудь новенькое? - спросила она.

- Ровно ничего.

Он был в плохом настроении. Эрнестина не знала, что ему даже нравилось быть не в духе, когда он начинал вести трудное дело.

- А я получила сегодня утром открытку. Я ее принесла.

Она протянула ему цветную открытку с изображением Гаврской ратуши. На ней не было написано ни слова, не было и подписи. Только адрес почтового отделения, где Долговязая получала письма до востребования.

- От Альфреда?

- Да, это его почерк.

- Значит, он не уехал в Бельгию?

- Выходит, что нет. Должно быть, побоялся переезжать через границу.

- Вы полагаете, что он собирается сесть на какое-нибудь судно?

- Об этом я даже не думаю. Он ни разу в жизни не ступал ногой на судно. Я хочу вам задать один вопрос, месье Мегрэ, но только вы должны ответить мне откровенно. Допустим, Альфред вернется в Париж. Что с ним будет?

- Вы хотите знать, арестуют ли его?

- Да.

- За попытку к ограблению?

- Да.

- За это его арестовать не могут. Ведь он не был застигнут на месте преступления. Кроме того, Гийом Серр не только не подает жалобы, но даже отрицает, что кто-то проник к нему в дом с целью ограбления.

- Значит, его оставят в покое?

- Если только он вам не солгал и не произошло чего-нибудь другого.

- Я могу ему это обещать?

- Да.

- В таком случае я сейчас же дам объявление. Он каждый день читает одну и ту же газету. Там печатают кроссворды.

Она посмотрела на Мегрэ.

- Можно подумать, что вы не верите.

- Во что?

- Во все это дело. В себя. Я даже не знаю, во что.

Видели вы дантиста?

- Полчаса назад.

- Что он сказал?

- Ничего.

Она больше не настаивала и, воспользовавшись тем, что зазвонил телефон, тут же попрощалась.

- Что такое? - проворчал в трубку Мегрэ.

- Это я, шеф. Могу я зайти к вам?

Через несколько секунд в кабинет вошел Жанвье.

Он был в приподнятом настроении и, по-видимому, доволен собой.

- У меня целая куча сведений. Выложить их вам?

Есть у вас свободная минутка?

Но его веселость несколько потускнела, когда он увидел выражение лица Мегрэ, который уже снял пиджак и теперь развязывал галстук.

- Сначала я пошел в семейный пансион, о котором я вам уже говорил. Он напоминает некоторые отели на левом берегу, с пальмами в холле и старыми дамами, сидящими в плетеных креслах. Постояльца моложе пятидесяти лет там не встретишь. Большею частью там живут иностранки, англичанки, швейцарки, американки, которые ходят по парижским музеям, а потом пишут бесконечные письма.

- Что дальше?

Мегрэ прекрасно представлял себе подобные заведения. Распространяться о них не стоило.

- Мария Ван Аэртс жила там целый год. Ее хорошо помнят, так как она была там довольно популярна. Оказывается, она была очень веселая и все время смеялась, потряхивая пышной грудью. Она поглощала невероятное количество разной сдобы и не пропускала ни одной лекции в Сорбонне.

- И это все? - спросил Мегрэ с таким видом, как будто его удивляло, почему так возбужден Жанвье.

- Почти каждый день она писала письма по восемь - десять страниц.

Комиссар пожал плечами, потом с заметным интересом посмотрел на инспектора. Он начинал понимать.

- Писала всегда одной и той же особе, подруге по пансиону, которая живет в Амстердаме. Я узнал ее фамилию. Эта подруга однажды приезжала к ней в Париж.

Они в течение трех недель жили вместе в одной комнате. Полагаю, что, выйдя замуж, Мария Серр продолжала ей писать. Подругу зовут Гертруда Оостинг. Муж ее - пивовар. Думаю, что найти их адрес будет нетрудно.

- Позвони в Амстердам.

- Вы хотели бы посмотреть письма?

- Если можно, последние.

- Я так и подумал. В Брюсселе по-прежнему нет ничего нового об Альфреде Уньолом?

- Он в Гавре.

- Позвонить в Гавр?

- Я сам позвоню. Кто из ребят свободен?

- Торранс сегодня утром вышел на работу.

- Пришли его ко мне.

Торранс тоже был тяжеловесным и объемистым, его сразу же заметили бы на тротуаре пустынной улицы.

- Ты будешь стоять на улице Ла-Ферм в Нейи, напротив дома 436. Дом этот в садике, за оградой. Прятаться не надо. Наоборот. Если увидишь, что из дома выходит мужчина выше и плотнее тебя, открыто иди вслед за ним.

- Это все?

- Договорись, чтобы ночью тебя сменили. Немного дальше, возле гаража, дежурит человек из полицейского комиссариата в Нейи.

- А если этот тип сядет в машину и уедет?

- Поезжай туда на машине и поставь ее возле тротуара.

У него не хватило духу пойти домой обедать. Было еще жарче, чем накануне. В воздухе пахло грозой. Мужчины разгуливали, сняв пиджаки, а в Сене плавали мальчишки.

Он пошел перекусить в пивную "У дофины" и предварительно выпил две рюмки перно, словно бросал кому-то вызов. Потом поднялся в отдел установления личности к Мерсу, комната которого находилась под самой пышущей жаром крышей Дворца правосудия.

- Поезжай, скажем, в одиннадцать часов вечера.

Захвати с собой нужный материал. Пусть с тобой поедет еще кто-нибудь.

- Ладно, шеф.

Он предупредил полицию в Гавре. Сел ли все-таки Альфред Унылый на поезд, идущий с Северного вокзала и уехал, допустим, в Лиль, а может быть, после телефонного разговора с Эрнестиной передумал и быстро переметнулся на вокзал Сен-Лазар?

Вероятно, он прячется в дешевых мебелирашках или бродит из бистро в бистро, пьет минеральную воду, если только не пытается сесть на какое-нибудь судно. Неужели в Гавре так же жарко, как в Париже?

До сих пор не удалось найти такси, которое якобы увезло Марию Серр и ее багаж. Служащие на Северном вокзале не могли вспомнить такой пассажирки.

В три часа, развернув газету, Мегрэ увидел объявление Эрнестины.

"Альфреду. Возвращайся в Париж.

Никакой опасности нет. Все улажено.

Тина".

В половине пятого Мегрэ очнулся в своем кресле.

Газета лежала у него на коленях. Он даже не перевернул страницы. От неудобного положения у него ломило спину, во рту пересохло.

Ни одной из машин уголовной полиции во дворе не оказалось, и ему пришлось взять такси в конце набережной.

- На улицу Ла-Ферм в Нейи. Я покажу, где остановиться.

Он чуть было снова не заснул в машине, а без пяти минут пять попросил шофера остановиться возле уже знакомого ему бистро. На террасе никого не было.

Вдали он заметил силуэт толстого Торранса, который ходил взад и вперед по теневой стороне улицы. Мегрэ расплатился с шофером и, облегченно вздохнув, уселся за столик.

- Что вам подать, месье Мегрэ?

Конечно, пива! Его так мучила жажда, что он мог бы залпом выпить пять или шесть кружек.

- Он больше не приходил?

- Кто? Дантист? Нет. Сегодня утром я видел его мать. Она шла по направлению к бульвару Ришар-Валлас.

Скрипнула калитка. Появилась маленькая суетливая женщина и зашагала по тротуару напротив. Мегрэ заплатил по счету и догнал ее уже у самого Булонского леса.

- Мадам Эжени?

- Что вам от меня надо?

Обитатели дома в Нейи были не слишком-то любезны.

- Поговорить с вами минутку.

- У меня нет времени на разговоры. Дома еще полно работы.

- Я из полиции.

- Ну и что с того?

- Мне нужно задать вам несколько вопросов.

- А я вам обязана отвечать?

- Конечно, так было бы лучше.

- Я не люблю полицию.

- Это ваше право. А ваших хозяев вы любите?

- Оли просто гады.

- Старая мадам Серр тоже?

- Она настоящая гадюка.

Они подошли к остановке автобуса. Мегрэ поднял руку и помахал свободному такси.

- Я отвезу вас домой.

- Не очень-то мне хочется показываться в обществе шпика, но придется воспользоваться случаем. - И она с достоинством уселась в машину.

- В чем вы их упрекаете?

- А вы? Почему вы суете нос в их дела?

- Молодая мадам Серр действительно уехала?

- Да уж, молодая! - сказала она с иронией.

- Ну, назовем ее невесткой.

- Да, уехала. Баба с возу - возу легче.

- Она тоже была гадюка?

- Нет.

- Вы ее не любили?

- Она вечно рылась в холодильнике, и к обеду оттуда исчезала половина из того, что было приготовлено.

- Когда она уехала?

- Во вторник.

Они пересекли мост Пюто. Эжени постучала в стекло шоферу.

- Остановитесь здесь. - И, обращаясь к Мегрэ, спросила:

- Я вам еще нужна?

- Могу я на минутку подняться к вам?

Площадь была многолюдная. Служанка сразу направилась в проход справа от какой-то лавочки, потом стала подниматься по лестнице, где пахло помоями.

- Вот бы вы им сказали, чтобы они оставили в покое моего сына.

- Кому сказать?

- Да здешним шпикам. Они все время к нему придираются.

- А что он делает?

- Работает.

- Где?

- А я почем знаю? Но только квартира у меня не убрана. Не могу же я целый день заниматься уборкой чужой квартиры да еще держать в порядке свою.

Воздух в комнате был спертый, и она сразу пошла отворять окно. Однако никакого беспорядка не было, и, если бы не кровать, стоявшая в углу, комната, служившая одновременно гостиной и столовой, выглядела бы даже кокетливо.

- Что же, собственно говоря, происходит? - спросила она, снимая шляпку.

- Мария Серр исчезла.

- Конечно, раз она в Голландии.

- В том-то и дело, что и в Голландии ее не обнаружили.

- А зачем вы ее ищете?

- Есть основания предполагать, что ее убили.

Темные глаза Эжени блеснули.

- Почему же вы их не арестуете?

- У нас еще нет доказательств.

- И вы думаете получить их от меня?

Она пошла в кухню, поставила чайник на газовую плиту, потом вернулась к Мегрэ.

- Что происходило во вторник?

- Она весь день паковала свои вещи.

- Минутку. Если я не ошибаюсь, она была замужем два с половиной года. Я полагаю, у нее были свои личные вещи?

- У нее было не меньше тридцати платьев и столько же пар туфель.

- Она любила наряжаться?

- Она ничего не выбрасывала. Некоторые были десятилетней давности. Она их носила, но никому бы не отдала за все золото мира.

- Скупая?

- А разве не все богатые скупые?

- Мне сказали, что она увезла только сундук и два чемодана.

- Это точно. Остальное было отправлено неделю назад.

- Вы хотите сказать, что другие чемоданы она отправила багажом?

- Да. Чемоданы, ящики, картонки. В четверг или в пятницу на прошлой неделе приехал автобус транспортного агентства и все увез.

- Вы не видели этикетки?

- Точного адреса не помню, но указан был Амстердам.

- Ваш хозяин это знал?

- Конечно.

- Значит, ее отъезд был решен уже давно?

- После ее последнего приступа. Каждый раз, как у нее был приступ, она начинала поговаривать о возвращении на родину.

- Какие приступы?

- Она говорила, сердечные.

- У нее было больное сердце?

- Как будто.

- К ней приходил врач?

- Да, доктор Дюбюк.

- Она принимала лекарства?

- Всегда за едой. Они все трое принимали. Мать и сын продолжают и сейчас. У каждого возле прибора стоит флакончик с пилюлями или каплями.

- Гийом Серр чем-нибудь болен?

- Не знаю.

- А его мать?

- Богатые всегда больны.
- Они жили в согласии?
- Иногда по неделям друг с другом не разговаривали.
- Мария Серр много писала?
- Почти с утра до вечера.
- Приходилось вам относить ее письма на почту?
- Частенько. Писала она всегда одной и той же женщине, у нее такая странная фамилия, а живет она в Амстердаме.
- Серры богатые?
- Да, не бедные.
- А Мария?
- Конечно. Иначе бы он на ней не женился.
- Вы работали у них, когда они поженились?
- Нет.
- Вы не знаете, кто у них тогда работал?
- У них без конца сменяется прислуга. Вот и я работаю последнюю неделю. Как только узнаешь, что это за дом, сразу оттуда и сбежишь.
- Почему?
- А вы думаете, приятно смотреть, как пересчитывают куски сахара в сахарнице и выбирают вам на десерт полугнилое яблоко.
- Кто, старая мадам Серр?
- Да. Под предлогом, что она в таком преклонном возрасте целый день работает, - впрочем, это ее дело, - она набрасывается на вас, если вы хоть на минутку присядете.
- Она на вас кричала?
- Нет, никогда не кричала. Хотела бы я посмотреть, как бы она посмела! Но так еще хуже. Она слишком вежливая, смотрит на вас со скорбным видом...
- Вы ничему не удивились, когда пришли в среду утром на работу?
- Нет.
- Вы не заметили, что ночью в одном окне было выбито стекло, а потом вставлено снова и замазано свежей замазкой.
- Она покачала головой.
- Вы ошибаетесь, это было не в тот день.
- А когда?
- На два или три дня раньше, во время этой ужасной грозы.
- Вы в этом уверены?
- Абсолютно. Мне даже пришлось снова натирать пол в кабинете, его залило дождем.
- Кто вставил стекло?
- Месье Гийом.
- Он сам ходил за ним в лавку?
- Да. Он и замазку принес. Примерно в десять часов утра. Он, должно быть, ходил в москательную лавку на улице Лоншан. Они никогда не вызывают мастера, если могут обойтись сами, и, даже если в туалете не проходит вода, месье Гийом сам прочищает трубу.
- Вы точно помните день?
- Абсолютно точно.
- Благодарю вас.
- Делать здесь было больше нечего. Впрочем, и на улице Ла-Ферм тоже. А может быть, Эжени лишь повторяла заученный урок? В таком случае она была еще сильнее других.

- Вы не думаете, что они ее убили?

Он не ответил и направился к двери.

- И доказательством служит разбитое стекло?

В ее голосе чувствовалось колебание.

- Стекло может служить уликой, если оно было разбито именно в тот день, когда вы говорите?

- Почему вы это спрашиваете? Вам хочется, чтобы их посадили в тюрьму?

- Разумеется, я была бы рада. Но теперь, раз я сказала правду...

Она уже жалела об этом. Еще немного - и она отреклась бы от своих показаний.

- Во всяком случае, вы можете все узнать в москательной лавке, где он покупал стекло и замазку.

- Благодарю вас за совет.

Выйдя, он на минутку остановился возле дома, где тоже была москательная лавка, но другая.

Он махнул проезжавшему такси:

- На улицу Ла-Ферм!

Теперь уже Торрансу и инспектору из полицейского комиссариата в Нейи, ни к чему было торчать на тротуаре. Мегрэ вспомнил ту шутку, которую Эрнестина сыграла с ним на улице Луны, но сейчас это уже совсем не казалось ему смешным; он стал думать о Долговязой. Ведь это она навела его на след, по которому он, как дурак, сразу бросился. Еще сегодня утром выставил себя на посмешище в полицейском комиссариате Нейи.

Трубка не доставляла ему удовольствия. Он ерзал на сиденье, никак не мог удобно устроиться. Стекло в машине между ним и водителем было опущено, и он сказал шоферу:

- Поезжайте по улице Лоншан. Остановитесь на минутку возле москательной лавки, если она еще не закрыта.

Он решил бросить жребий. Если лавка окажется закрытой, он не станет больше утруждать себя, приезжать еще раз, что бы там ни болтали всякие эрнестины и альфреды унылые. И кто мог доказать, что Альфред действительно хотел ограбить сейф на улице Ла-Ферм?

Допустим, он даже уехал на велосипеде из дома на набережной Жемапп и рано утром звонил жене. Ну и что с того? Кто знает, о чем они говорили?

- Лавка открыта! - сказал шофер.

В ней торговали скобяными товарами, но там был также отдел москательных. Здоровый малый в серой блузе прошел между оцинкованными ведрами и половыми щетками навстречу Мегрэ.

- Есть у вас оконные стекла?

- Да, месье.

- А замазка?

- Разумеется. У вас записаны размеры?

- Это не для меня. Знаете вы некоего месье Серра?

- Дантиста? Конечно, месье.

- Это один из ваших покупателей?

- Да, месье, у него постоянный счет в магазине.

- Приходил он к вам недавно?

- Я его не видел, месье, я только позавчера вернулся из отпуска. Быть может, он приходил, когда меня не было. Это легко проверить по книге.

Не задавая вопросов, продавец направился в темный угол лавки и открыл лежавшую на высокой конторке книгу записей.

- Он покупал оконное стекло на прошлой неделе.

- Можете вы мне сказать, в какой день?

- В пятницу.

Гроза была в четверг вечером, Эжени была права, старая мадам Серр тоже.

- Он еще купил полфунта замазки.

- Благодарю вас.

Судьба Серра висела на ниточке. Если бы молодой человек в серой блузе машинальным движением захлопнул книгу и потом закрыл лавку - дело могло бы принять другой оборот. Но он добросовестно перелистывал страницы.

- Он приходил еще раз на этой неделе, - сказал продавец.

- Когда?

- В среду. Купил стекло такого же размера, сорок два на шестьдесят пять, и опять полфунта замазки.

- Вы в этом уверены?

- Я могу даже уточнить: Серр приходил рано утром. В этот день он был первым покупателем.

- В котором часу открывается лавка?

Это было важно. Ведь Эжени, которая начинала работу в 9 часов, уверяла, что в среду утром все стекла были целы.

- Мы приходим к девяти, но хозяин спускается в восемь и открывает лавку.

- Спасибо! Вы - чудесный малый.

Чудесный малый, должно быть, долго ломал себе голову, почему этот человек, который вошел с таким мрачным видом, вдруг оказался в таком прекрасном настроении.

- Я полагаю, никто не может уничтожить эти страницы в книге?

- С чего бы вдруг стали это делать?

- Понятно. Все же прошу вас за этим проследить.

Завтра я пришлю сюда кого-нибудь, чтобы их сфотографировать.

Он вынул из кармана визитную карточку и протянул ее молодому человеку, который с изумлением прочел:

"Дивизионный комиссар Мегрэ Уголовная полиция Париж"

- Куда теперь поедет? - спросил шофер.

- Остановитесь на минутку возле бистро на улице Ла-Ферм. Вы увидите, оно по левую руку.

Теперь стоило выпить кружку пива. Он чуть было не позвал Торранса и инспектора, но потом передумал и пригласил только шофера.

- Что вам принести?

- Пожалуйста, мне сухого вина.

Улица вся золотилась от солнечных лучей. Ветерок шелестел листвой деревьев Булонского леса.

Напротив виднелась черная ограда, за ней зеленая лужайка и дом, спокойный и строгий, как монастырь.

Где-то в этом доме была старая женщина, похожая на настоятельницу монастыря, и человек, походивший на турка, с которым Мегрэ должен был свести счета.

Жизнь была прекрасна.

Глава 5,

в которой Мегрэ, сменивший Жанвье, выясняет, что думала о своем муже Мария Серр, урожденная Ван Аэртс, и в которой речь идет о формальностях, за этим последовавших.

Вот как прошел остаток дня. Сначала Мегрэ два раза выпил по кружке пива, тогда как шофер такси ограничился одной бутылочкой виши. Уже вечерело, стало прохладнее, и, снова садясь в такси, Мегрэ решил поехать в тот пансион, где в течение года жила Мария Ван Аэртс.

Собственно говоря, делать ему там было нечего. Он просто уступил своей привычке потолкаться в тех местах, где живут интересующие его люди, чтобы лучше понять, чем они дышат.

Стены там были выкрашены в кремовый цвет. Все было кремовое, сладковатое, как сдобное печенье, и хозяйка с густо напудренным лицом была похожа на приторное пирожное.

- Какая это изысканная особа, месье Мегрэ! И какой, должно быть, чудесной подругой была она для своего мужа. Ей так хотелось выйти замуж.

- Вы имеете в виду, что она искала, за кого бы ей выйти?

- Разве не все девушки мечтают о муже?

- Но ведь, если я не ошибаюсь, ей было лет сорок восемь, когда она жила у вас?

- По характеру она оставалась такой молодой! Всякий пустяк ее забавлял. Вы не поверите, ей доставляло удовольствие подстраивать разные штуки моим постояльцам. Возле церкви Мадлен есть магазин, который я никогда не замечала, пока она меня туда не свела. Там продаются всякие вещицы, специально, чтобы подшучивать над людьми: искусственные мыши, ложки, тающие в чашке кофе, аппараты, которые кладут под скатерть кому-нибудь из гостей, чтобы его тарелка неожиданно поднялась вверх, стаканы, из которых невозможно сделать ни глотка, да мало ли что еще? Ну так вот, она была лучшей клиенткой этого магазина. И притом очень культурная женщина, знала все музеи Европы и целыми днями пропадала в Лувре.

- Она познакомила вас с тем, кто должен был стать ее мужем?

- Нет. Она любила скрытничать. Может быть, боялась привести его сюда, ведь здесь он, весьма вероятно, мог понравиться и другим. Кажется, он человек очень интересный, внушительной внешности, похож на дипломата. Мария говорила, что он зубной врач, но принимает только нескольких пациентов... Он из очень богатой семьи.

- Скажите, она была скупая?

- А вам это говорили? Конечно, она была довольно расчетливая. Например, когда собиралась в город, ждала, пока туда поедет еще кто-нибудь из наших дам, чтобы поделить с ней расходы на такси. Каждую неделю спорила по поводу своего счета.

- Вы знаете, как она познакомилась с месье Серром?

- Думаю, что не по объявлению.

- Она поместила объявление в газетах?

- Да, но не придавала этому значения. Сделала это скорее ради шутки. Я точно не помню текста, но там говорилось, что приличная дама, иностранка, богатая, ищет господина соответствующего положения, чтобы выйти за него замуж. Получила сотни писем. Своим корреспондентам она назначала свидания в Лувре, то в одном зале, то в другом. Узнавала она их по определенной книге в руках или по цветку в петлице.

В холле пансиона, где слышалось маслянистое ворчание электрических вентиляторов, в плетеных креслах сидели еще несколько дам, тоже иностранок, приехавших из Англии, из Швеции, из Америки.

- Надеюсь, с ней не случилось ничего дурного?..

Было около семи часов, когда Мегрэ вышел из такси на набережной Орфевр. На затемненном тротуаре он увидел Жанвье, идущего с пакетом под мышкой, и подождал его.

- Что это ты несешь?

- Свой обед.

Жанвье не жаловался, но лицо у него было страдальческое.

- А почему ты не идешь домой?

- Да из-за этой несчастной Гертруды.

Почти во всех комнатах было пусто и гулял сквозняк, потому что поднялся ветерок, а окна были открыты.

- Я позвонил Гертруде Оостинг в Амстердам. Вернее, говорил по телефону с ее уборщицей. Пришлось поискать добровольца-переводчика, из тех, кто ждал паспорта в отделе для иностранцев, потому что уборщица не понимает по-французски. Мне не повезло: этой мадам Оостинг с четырех часов нет дома, она ушла вместе с мужем. Там сегодня какой-то концерт на открытом воздухе, какое-то шествие в маскарадных костюмах, а потом Оостинги пойдут обедать к знакомым, и уборщица не знает куда. Они не сказали, когда вернуться, ей поручено уложить детей спать. Кстати, о детях...

- Ну давай, говори!

- Ничего. Только моя жена расстроилась. Сегодня день рождения старшего сына. Она там приготовила вкусный обед. Но это не важно...

- Сама Гертруда Оостинг говорит по-французски?

- Говорит.

- Ну, тогда беги домой. Давай мне твои бутерброды, и я останусь.

Мегрэ поел один у себя в кабинете, потом пошел в лабораторию к Мерсу. Когда уже совсем стемнело, Мере взял с собой фотографа, целую кучу аппаратов и уехал. Действовать он должен был не совсем по закону, но поскольку Гийом Серр купил два стекла, а не одно, это не имело большого значения.

- Дайте мне, пожалуйста, Амстердам... - сразу же по возвращении к себе в кабинет поднял трубку Мегрэ. На другом конце провода бормотали что-то невнятное, и он понял, что мадам Оостинг еще не вернулась, а отвечает ему все та же уборщица.

Мегрэ позвонил жене:

- Ты не приедешь выпить со мной чего-нибудь на террасе пивной "У дофины"? Мне придется еще задержаться на час или на два. Возьми такси.

Вечер прошел довольно приятно. Им было так же уютно вдвоем, как на террасе какого-нибудь кафе на Больших бульварах. Правда, с того места, где они сидели, видна только большая серовато-белая лестница Дворца правосудия.

На улице Ла-Ферм его сотрудники, должно быть, уже работали вовсю. Согласно инструкциям Мегрэ, они должны были подождать, пока Серры не улягутся. Торрансу поручено дежурить перед домом во избежание неожиданностей, в то время как остальные проникнут в гараж и примутся за тщательный осмотр машины. Мере и фотограф ничего не забудут: снимут отпечатки пальцев, возьмут на анализ пыль и сделают все, что в таких случаях полагается.

Два раза Мегрэ оставлял жену, чтобы пойти позвонить в Амстердам. Но лишь в половине двенадцатого наконец ему ответили по-французски:

- Я не очень хорошо вас понимаю.

- Я говорю, что звоню из Парижа.

- А! Париж!

У нее был сильный акцент, впрочем довольно приятный.

- Из сыскной полиции, по поводу вашей приятельницы Марии. Вы ведь знаете Марию Серр, урожденную Ван Аэртс?

- А где она?

- Не знаю. Об этом я и хотел у вас спросить. Она вам часто писала?

- Да, часто. Я должна была встретить ее на вокзале, в среду утром.

- Она не приехала?
- Нет. И я беспокоюсь. Ни телеграммы, ни звонка.
- Ваша приятельница исчезла.
- Что вы хотите этим сказать?
- О чем она писала вам?
- О многом.

Она заговорила на своем языке, обращаясь к кому-то другому, вероятно к мужу.

- Вы думаете, что Марии нет в живых?
 - Может быть. Писала она вам когда-нибудь, что она несчастлива?
 - Да, она не была довольна. Ей не нравилась старая дама.
 - Ее свекровь? А муж?
 - Оказалось, что это не мужчина, а ребенок, который очень боится своей матери.
 - Давно она вам об этом писала?
 - Почти сразу же после того, как вышла замуж.
 - Она уже тогда хотела его оставить?
 - Нет еще. Она стала об этом думать около года назад.
 - А в последнее время?
 - Она решилась. Просила меня найти ей квартиру в Амстердаме, неподалеку от нас.
 - И вы нашли?
 - Да. И прислугу... Я встречала ее на вокзале.
 - Не сможете ли вы послать мне копию писем вашей приятельницы? Они у вас сохранились?
 - У меня сохранились все письма, но переписывать их - это слишком большая работа, они очень длинные. Я могу послать вам самые важные. Вы уверены, что с ней случилось несчастье?
 - Я в этом убежден.
 - Ее убили?
 - Вероятно.
 - Ее муж?
 - Не знаю. Послушайте, мадам Оостинг, вы могли бы оказать мне большую услугу. У вашего мужа есть машина?
 - Конечно.
 - Не будет ли он так любезен отвезти вас в центральный полицейский участок, который открыт всю ночь? Вы скажете дежурному инспектору, что ждали свою приятельницу Марию. Покажете ее последнее письмо. Добавьте, что очень встревожены и хотите, чтобы произвели розыск.
 - Говорить мне о том, что вы звонили?
 - Это роли не играет. Важно, чтобы вы потребовали расследования.
 - Я еду.
 - Благодарю вас. Не забудьте, что вы обещали послать мне письма.
- Он почти сразу же снова вызвал Амстердам, на этот раз позвонил в полицию.
- Через несколько минут к вам придет некая мадам Оостинг. Она расскажет вам об исчезновении своей приятельницы, мадам Серр, урожденной Ван Аэртс.
 - Она исчезла в Голландии?

- Нет, в Париже. Чтобы начать действовать, мне необходима официальная жалоба. Как только вы зарегистрируете ее заявление, прошу вас послать мне телеграмму с требованием начать расследование.

На это ушло какое-то время. Инспектор на другом конце провода не понимал, как Мегрэ, находясь в Париже, мог оповестить его о том, что приедет мадам Оостинг.

- Я вам объясню позже. Все, что мне нужно, это ваша телеграмма. Пошлите ее срочной.

Он вернулся к мадам Мегрэ, скучавшей на террасе пивной:

- Сейчас выпью рюмку, и пойдем.

- Домой?

- Нет, ко мне в кабинет.

Это всегда ее смущало. Она бывала в здании на набережной Орфевр только в редких случаях и не знала, как ей там держаться.

- У тебя такой вид, словно ты забавляешься. Как будто хочешь подшутить над кем-то.

- Так оно почти что и есть. Над одним типом, который похож на турка, на дипломата и на мальчишку.

- Не понимаю.

- Ну и черт с ним!

Он редко бывал в таком веселом настроении. Сколько рюмок кальвадоса он выпил? Четыре? Пять? Прежде чем вернуться в свой кабинет, он проглотил еще кружку пива, взял жену под руку:

- Прошу тебя лишь об одном: не тверди мне, что здесь все в пыли, что кабинеты нужно как следует пропылесосить!

Через десять минут вся бригада, кроме Торранса, уже вернулась с улицы Ла-Ферм.

- Ну как? Все в порядке? Никакой загвоздки?

- Никакой. Нам никто не помешал. Торранс заставил нас подождать, пока в доме потушат свет, а Гийом Серр никак не мог улечься...

- А что в машине?

- Впечатление такое, что ею не пользовались уже дня два или три. Бензина там полбака. Внутри все в порядке. В багажнике я обнаружил две или три довольно свежие царапины.

- Как будто туда запихивали большой и тяжелый чемодан?

- Возможно.

- А может быть, сундук?

- Сундук или ящик.

- Внутри машины не было пятен крови?

- Нет. Не было и волос. Я об этом подумал. Мы захватили с собой прожектор, а в гараже есть штепсель.

Эмиль сейчас проявит фото.

- Я уже иду к себе наверх, - сказал фотограф. - Если вы подождете минут двадцать...

- Буду ждать. Тебе не показалось, Мере, что машину недавно чистили?

- Только не снаружи. В гараже ее не мыли. Но внутри она тщательно вычищена щеткой. Должно быть, вытаскивали коврик и выколачивали его, потому что я еле-еле собрал немного пыли. Сейчас исследую.

- А в гараже не было щетки?

- Нет. Я искал. Ее, наверное, унесли.

- Вообще, кроме царапин...

- Ничего подозрительного. Мне можно идти?

В кабинете остались только комиссар и мадам Мегрэ.

- Тебе не хочется спать?

- Нет.

Мадам Мегрэ окинула каким-то особенно пристальным взглядом ту обстановку, в которой ее муж провел большую часть жизни.

- Это всегда так бывает, когда ты остаешься здесь на ночь?

Ей, должно быть, казалось, что все протекает очень спокойно, очень легко, что это похоже на игру.

- По-разному бывает.

- Произошло убийство?

- Более чем вероятно.

- Ты знаешь виновного? Он знает, что ты его подозреваешь?

Мегрэ кивнул.

- Как ты думаешь, он сейчас спит? - И, помолчав, она добавила:

- Это, должно быть, ужасно.

Комиссару передали по телефону телеграмму из голландской полиции, сказали, что утром пришлют копию.

- Ну вот! Можно идти домой.

- Я думала, ты ждешь фотографий.

Он улыбнулся. В сущности, она заинтересовалась.

Уходить отсюда ей уже не хотелось.

- Они не дадут ничего нового.

- Ты находишь?

- Уверен в этом. Анализы Мерса - тоже.

- Почему? Убийца принял меры предосторожности?

Он не ответил, погасил свет и вышел вместе с женой в коридор, где бригада уборщиков уже начинала свою работу.

- Это вы, месье Мегрэ?

Мегрэ посмотрел на будильник: половина девятого.

Жена пожалела его, дала поспать. Он узнал голос Эрнестины.

- Я вас не разбудила? Я на почте. Получила еще одну открытку.

- Из Гавра?

- Из Руана. Он ничего не сообщает, наверное, еще не видел моего объявления. На открытке только мой адрес до востребования, как и вчера.

Оба помолчали. Потом она спросила:

- У вас есть что-нибудь новое?

- Да. История с оконным стеклом.

- Это хорошо?
- Смотря для кого... Вероятно, для вас и для Альфреда это хорошо.
- Теперь вы не думаете, что я вам соврала?
- В настоящий момент нет.

На Набережной он решил, что поедет с Жанвье, который сел за руль маленького черного автомобиля уголовной полиции.

- На улицу Ла-Ферм.

Телеграмма была у него в кармане. Он велел Жанвье остановиться у калитки, и они оба вошли.

Мегрэ позвонил. Во втором этаже, где ставни еще не были закрыты, шевельнулась занавеска. Им отворила Эжени, она была в шлепанцах и вытирала мокрые руки о передник.

- Здравствуйте, Эжени. Месье Серр дома, и я хотел бы с ним поговорить.

Кто-то перегнулся через перила. Старушечий голос промолвил:

- Проводите господ в гостиную, Эжени.

Жанвье впервые вошел в этот дом, и увиденное произвело на него немалое впечатление.

Было слышно, как кто-то ходил у них над головой.

Потом дверь неожиданно отворилась и Гийом Серр почти заполнил собою проем. Он был так же невозмутим, как накануне, и смотрел на них с такой же спокойной дерзостью.

- У вас есть мандат? - спросил он, губы его слегка дрожали.

Мегрэ с нарочитой неторопливостью вынул из кармана бумажник, отыскал в нем удостоверение и вежливо подал его Серру.

- Вот он, месье Серр.

Серр не ожидал этого. Он подошел к окну, где было больше света. Мегрэ тем временем говорил:

- Как видите, это и разрешение на обыск. Началось расследование по делу об исчезновении мадам Марии Серр, урожденной Ван Аэртс, по жалобе мадам Гертруды Оостинг из Амстердама.

При его последних словах в гостиную вошла старуха.

- В чем дело, Гийом?

- Ничего, мама, - ответил он необыкновенно мягким голосом. - Эти господа, кажется, хотят осмотреть дом. Пойдите в свою комнату.

Она колебалась, глядя на Мегрэ, словно спрашивая у него совета.

- Вы будете вести себя спокойно, Гийом?

- Ну конечно, мама. Оставьте нас, пожалуйста.

Все происходило не совсем так, как предполагал Мегрэ, и комиссар нахмурился.

- Вы, вероятно, хотите, чтобы при обыске присутствовал ваш адвокат? - спросил он, когда старая дама нехотя удалилась. - Мне придется сейчас задать вам ряд вопросов.

- Адвокат мне не нужен. Раз у вас есть мандат, я не могу противиться вашему присутствию. Вот и все.

Ставни окон первого этажа были закрыты. Серр направился к первому окну.

- Вы, конечно, хотите, чтобы было светло.

Он говорил бесстрастным голосом; и если в нем было какое-то чувство, то, скорее всего, что-то вроде презрения.

- Начинайте свою работу, господа.

Было почти странно видеть эту гостиную залитой светом. Серр прошел в соседнюю комнату, где стоял его письменный стол, потом в кабинет, где он принимал пациентов.

- Когда вы захотите подняться во второй этаж, вы мне скажете.

Жанвье бросал удивленные взгляды на своего начальника. Мегрэ уже не был в таком хорошем настроении, как сегодня утром и вчера вечером. Казалось, он был озабочен.

- Разрешите воспользоваться вашим телефоном, месье Серр? - спросил он с той же холодной вежливостью, с которой держался его собеседник.

- Это ваше право.

Он набрал номер уголовной полиции. Сегодня утром он выслушал устный отчет Мерса, данные которого, как комиссар и предполагал, были почти отрицательные. Исследование пыли ничего не дало. Точнее, почти ничего. Мере обнаружил только в передней части машины, на месте водителя, ничтожно малое количество тертого кирпича.

- Дайте мне лабораторию. Это ты, Мере? Можешь приехать на улицу Ла-Ферм со своими людьми и аппаратурой?

Он наблюдал за Серром. Тот раскуривал длинную черную сигару и даже бровью не повел.

- Ну да, вези всю свою тяжелую артиллерию. Нет, трупа я не обнаружил. Я буду здесь.

И, повернувшись к Жанвье, Мегрэ сказал:

- Можешь начинать.

- С этой комнаты?

- Все равно с какой.

Гийом Серр следовал за ними по пятам и молча наблюдал за их работой. На нем не было галстука; он надел только черный люстриновый пиджак поверх белой рубашки.

Пока Жанвье исследовал ящики письменного стола, Мегрэ перебирал зуболюбные карточки и помечал что-то в своей толстой записной книжке.

Это и в самом деле было похоже на комедию. Ему трудно было бы ответить на вопрос, что он, собственно говоря, ищет. В общем, он хотел посмотреть, не проявит ли Серр известной тревоги, когда они дойдут до какого-нибудь определенного уголка дома.

Когда они обыскивали, например, гостиную, Серр не шелохнулся и стоял неподвижно, прислонившись к камину из коричневого мрамора.

Теперь он смотрел на Мегрэ, как будто спрашивая себя, скорее с любопытством, чем со страхом, что бы это комиссар мог искать в его карточках.

- У вас очень мало пациентов, месье Серр.

Тот не ответил, только пожал плечами.

- Я вижу, что пациенток гораздо больше, чем пациентов.

Зубной врач, казалось, посмеивался: "Ну и что с того?"

- Я вижу также, что вы познакомились с Марией Ван Аэртс благодаря вашей профессии зубного врача.

На карточках было помечено пять посещений в течение двух месяцев и подробно записано лечение, которое получила Мария Ван Аэртс.

- Вы знали, что она богата?

Серр снова пожал плечами.

- Вы были знакомы с доктором Дюбюком?

Он кивнул.

- Если не ошибаюсь, это был врач, лечивший вашу жену. Это вы его ей рекомендовали?

Смотри-ка! Он наконец заговорил!

- Доктор Дюбюк лечил Марию Ван Аэртс еще прежде, чем она стала моей женой.

- Когда вы женились на ней, вы знали, что у нее болезнь сердца?

- Она говорила мне об этом.

- Она была серьезно больна?

- Дюбюк проинформирует вас, если сочтет это своим долгом.

- Ваша первая жена тоже страдала болезнью сердца, не так ли?

- Вы найдете в папках среди документов свидетельство о ее смерти.

Больше всех не по себе было Жанвье. Он обрадовался, когда прибыли специалисты из отдела опознания личности: они внесли в дом какое-то оживление.

Когда у ворот остановилась их машина, Мегрэ сам пошел открыть дверь и тихо сказал Мерсу;

- Работайте на всю катушку. Прочесывайте весь дом.

И Мере, который сразу все понял, тихо проговорил:

- Вы думаете, это припугнет его?

- Может, в конце концов кого-нибудь и припугнет.

Люди из уголовной полиции обшаривали все углы, снимали со стен портреты и картины, отодвигали рояль и кресла, чтобы посмотреть под коврами, нагромождали друг на друга выдвигаемые ящики шкафов, раскладывали бумаги.

Сначала в дверь просунула голову мадам Серр: она пришла взглянуть на то, что здесь делается, и снова удалилась с глубоко огорченным видом. Потом появилась Эжени, она пробормотала:

- Надеюсь, вы поставите все это на место?

Ее ворчание усилилось, когда дошла очередь до кухни и даже до чуланов, где она держала половые щетки.

- Если бы вы мне только сказали, что вы ищете?

Они ничего определенного не искали. Может быть, Мегрэ вообще ничего не искал. Он наблюдал за человеком, который ходил за ними по пятам, оставаясь все таким же невозмутимым.

Пока его люди работали, Мегрэ снял телефонную трубку и вызвал доктора Дюбюка.

- Вы пробудете дома еще некоторое время? Можно мне к вам зайти? Нет, ненадолго. Я скажу вашей работнице. Спасибо.

У Дюбюка в приемной сидело пять пациентов, и он обещал комиссару впустить его через заднюю дверь.

Жил он в двух шагах, на набережной. Мегрэ отправился туда пешком, прошел мимо москательной лавки, и молодой продавец, с которым Мегрэ говорил накануне, поздоровался с ним.

- Вы не будете фотографировать нашу книгу?

- Сейчас сфотографируем.

Дюбюк был человек лет пятидесяти, с рыжей бородкой, в пенсне.

- Вы лечили мадам Серр, доктор?

- Да, молодую мадам Серр. Словом, ту, что помоложе.

- А вы никогда не лечили никого другого в этом доме?

- Пойдите! Лечил! Уборщицу, которая порезала себе руку, два или три года назад.
 - Мария Серр в самом деле была больна?
 - Да, ей нужно было лечиться.
 - Сердце?
 - Гипертрофия сердца. Кроме того, она слишком много ела и жаловалась на недомогание.
 - Она часто вас приглашала?
 - Примерно раз в месяц. Иногда сама приходила ко мне.
 - Вы прописывали ей какое-нибудь лекарство?
 - Успокоительное, в таблетках. Ничего токсического.
 - Вы думаете, сердце могло ее подвести?
 - Ну, нет, конечно. Может быть, лет через десять - пятнадцать...
 - Она не старалась похудеть?
 - Каждые четыре или пять месяцев она садилась на диету, но выдерживала всего несколько дней.
 - Вы встречались с ее мужем?
 - Случалось.
 - Что вы о нем думаете?
 - С какой точки зрения? С профессиональной?
- Одна из моих пациенток ходила к нему и говорила, что он работает очень искусно и совсем не причиняет боли.
- А как человек?
 - Мне показалось, что он сдержанный. А в чем дело?
 - Его жена исчезла.
 - А-а! - Дюбюку было на это, в общем, наплевать, и он лишь неопределенно махнул рукой. - Всяко бывает, правда? Напрасно он разыскивает ее через полицию, она ему этого не простит.
- Мегрэ предпочел не распространяться. На обратном пути он сделал крюк, чтобы пройти мимо гаража, где больше никто не дежурил. Здание напротив было доходным домом. На пороге стояла консьержка и чистила медную ручку двери.
- Окна швейцарской выходят на улицу? - спросил он.
 - А вам-то что до этого?
 - Я из полиции. Хотел спросить вас, знаете ли вы человека, чья машина стоит в гараже напротив, в первом справа.
 - Это зубной врач.
 - Вы его иногда видите?
 - Вижу, когда он выводит машину.
 - На этой неделе видели?
 - Послушайте, а кто там возился в его гараже вчера вечером? Это были воры? Я сказала мужу..
 - Нет, не воры.
 - А кто, ваши люди?
 - Не важно. На этой неделе вы видели, как он выводил машину?
 - Кажется, да.
 - Вы не помните, в какой день? И в какой час?

- Это было вечером, довольно поздно. Пойдите. Я легла спать, потом снова встала. Не смотрите на меня так. Сейчас вспомню. Я как раз встала, потому что у моего мужа болели зубы, и дала ему аспирин. Я заметила, что машина месье Серра выезжает из гаража, и даже сказала, что это совпадение.

- Потому что у вашего мужа болели зубы?

- Да. И как раз в это время перед домом оказался зубной врач. Было уже за полночь. Мадемуазель Жермен уже вернулась домой. Ну вот, значит, это был вторник, потому что она не бывает дома только по вторникам вечером, ходит играть в карты к своим знакомым.

- Машина выезжала из гаража? А может быть, наоборот, въезжала в гараж?

- Выезжала.

- В какую сторону она поехала?

- В сторону Сены.

- Вы не слышали, чтобы она остановилась немного дальше, скажем, перед домом месье Серра?

- Я больше не обращала на нее внимания. Я стояла босиком, а пол холодный: мы ведь спим с приоткрытым окном. А что он сделал?

Что мог ей ответить Мегрэ? Он удалился, поблагодарив ее, пересек палисадник, позвонил. Ему отворила Эжени, посмотрев на него с мрачным упреком.

- Ваши люди наверху! - сухо сообщила она.

Значит, покончено с первым этажом. На втором слышались шаги, там передвигали мебель, волоча ее по полу.

Мегрэ поднялся по лестнице и увидел, что мадам Серр сидит на стуле посреди площадки.

- Я уж и не знаю, куда мне деваться, - сказала она. - Можно подумать, что мы переезжаем на другую квартиру. Что же они, в конце концов, ищут, месье Мегрэ?

Гийом Серр, стоя посреди залитой светом спальни, зажигал новую сигару.

- Господи! Зачем мы ее только отпустили! - вздыхала старуха. - Если бы я могла предвидеть...

Она не уточнила, что бы она сделала, если бы могла предвидеть...

Глава 6,

в которой Мегрэ принимает решение, поразившее его сотрудников, и в которой его кабинет становится похожим на ринг.

Когда Мегрэ принял решение, было три часа сорок минут; допрос начался в четыре двадцать пять. Но все же торжественным, почти драматическим был тот момент, когда он решил.

Для всех тех, кто работал с комиссаром на улице Ла-Ферм, Мегрэ повел себя неожиданно. Уже с утра было что-то необычное в том, как он руководил операцией. Они не впервые производили подобного рода обыск, но этот - чем дальше, тем все больше отличался от прежних. В чем состояло отличие, определить было трудно. Первым это почувствовал Жанвье, который лучше всех знал своего начальника.

Когда по приказанию Мегрэ они принялись за работу, в глазах комиссара горел какой-то радостный, почти свирепый огонек; он привел их в этот дом, как будто пустил свору гончих по свежему следу, и подбадривал их не столько голосом, сколько всем своим видом.

Не приняло ли это дело характер борьбы между ними двумя, Мегрэ и Гийомом Серром! Точнее, так ли протекали бы события и пришел ли бы Мегрэ к тому же решению, если бы человек с улицы Ла-Ферм не был упорнее его и физически, и морально?

Казалось, что с самого начала Мегрэ не терпелось помериться с ним силами.

А порой можно было подумать, что он действует из других побуждений, и заподозрить, что ему доставляет удовольствие перевернуть вверх дном все в этом доме.

Им редко приходилось работать в комнатах, подобных этим, где повсюду царили мир и гармония, приглушенная, тихая гармония, где самые старые вещи совсем не казались смешными, и где, после многочасовых поисков, не было обнаружено ни одной подозрительной мелочи.

Когда Мегрэ заговорил, было три часа сорок минут.

Они все еще ничего не нашли. Полицейские чувствовали себя неловко и ждали, что их начальник принесет извинения и удалится.

Что заставило Мегрэ принять такое решение? Отдавал ли он сам себе в этом отчет? Жанвье даже заподозрил, что он выпил слишком много аперитива, когда около часа дня ходил закусить на террасу кафе напротив. Когда он вернулся, от него и в самом деле пахло перно.

Эжени не накрывала на стол для своих хозяев. Старая дама перекусила, стоя на кухне, как бывает во время переезда на другую квартиру, а немного позже уборщица принесла и Гийому бутерброд и чашку кофе.

Они как раз работали на чердаке.

Это была самая скрытая от посторонних часть дома, более скрытая, чем спальни и бельевые шкафы.

Чердак был обширный, из двух слуховых окон на сероватый пол ложились большие прямоугольные пятна света. Жанвье открыл два кожаных ружейных футляра, а один из специалистов по уголовному розыску осмотрел ружья.

- Это ваши?

- Они принадлежали моему тестю. Я никогда не охотился.

Часом раньше, в комнате Гийома, они обнаружили револьвер; после тщательного осмотра Мегрэ присоединил его к куче предметов, которые они собирались унести с собой для последующей проверки.

В эту кучу были свалены самые разнообразные вещи, в том числе зуболюбные карточки и взятые из маленького столика в спальне старой дамы свидетельства о смерти ее мужа и ее первой невестки.

Там был также костюм: Жанвье обнаружил, что на рукаве его вырван маленький клочок материи. Гийом Серр утверждал, что не надевал его уже дней десять.

Они блуждали среди старых чемоданов, ящиков, хромоногих столов и стульев. Они не делали перерыва на завтрак, а ходили закусывать по очереди. Мере удовольствовался бутербродом, который ему принес фотограф.

Около двух часов Мегрэ позвонили из полиции и сообщили, что на его имя получен довольно толстый конверт из Голландии. Он попросил распечатать конверт. Это были письма Марии, на голландском языке.

- Вызовите переводчика и засадите его за работу.

- Здесь?

- Да. Пусть он не уходит с Набережной, пока я не приеду.

Поведение Гийома Серра не изменилось. Он по-прежнему ходил за ними по пятам, не упускал из вида ни одного их движения и ни на минуту не терял спокойствия.

Он как-то особенно смотрел на Мегрэ, и было ясно, что другие для него не в счет. Это была схватка между ними двумя. Инспектора были лишь второстепенными персонажами. Даже сыскная полиция для Серра не существовала. Борьба велась в личном плане. Гийом больше не протестовал, терпел это вторжение в его дом, в его личную жизнь с высокомерной покорностью судьбе, и невозможно было заметить в нем ни малейшего признака тревоги.

Был ли у этого человека мягкий характер? Или, наоборот, твердый? Обе гипотезы имели одинаковое право на существование. Костяк у него был, как у борца, поведение - как у человека, уверенного в себе, и все же эта фраза Марии, говорившей о нем, как о большом ребенке, не казалась нелепой. Цвет кожи у него был белый, нездоровый. В одном из ящиков письменного стола они нашли груды рецептов, сколотых несколькими пачками: некоторые лежали здесь уже лет двадцать. При помощи этих порой пожелтевших рецептов, можно было восстановить историю болезни этой семьи. В ванной второго этажа висела аптечка, выкрашенная белой краской, наполненная склянками с лекарствами, коробками с пилюлями, старыми и свежими.

Здесь ничего не выбрасывали: даже старые половые щетки стояли в углу на чердаке рядом со сношенной обувью.

Каждый раз, как они выходили из какой-нибудь комнаты, чтобы приняться за следующую, Жанвье бросал на своего начальника взгляд, означавший: "И здесь ничего не нашли!" Жанвье все еще ожидал какого-то открытия. А Мегрэ, наблюдая за их работой, лениво покуривал трубку.

О его решении они узнали косвенным путем, и это придало ему еще более поразительный характер.

Все спустились с чердака, где Гийом Серр закрыл оба слуховых окна. Мать вышла из своей комнаты, чтобы посмотреть, как они уходят. Мегрэ повернулся к Серру и проговорил, как нечто самое обычное:

- Будьте добры, наденьте галстук и ботинки.

Зубной врач и в самом деле с утра ходил в домашних туфлях.

Серр все понял, посмотрел на комиссара, но ничем не выдал своего удивления. Старая дама открыла рот, чтобы протестовать или потребовать объяснений, но Гийом сжал ей руку и увел мать в ее комнату.

Жанвье тихонько спросил:

- Вы его арестуете?

Мегрэ не ответил. Он и сам не знал. По правде сказать, он принял это решение только сейчас, здесь, на лестничной площадке.

- Входите, месье Серр. Садитесь, пожалуйста.

Часы на камине показывали четыре двадцать пять.

Была суббота. Мегрэ заметил это по оживлению на улице, когда они ехали по городу на машине.

Комиссар затворил за собою дверь. Окна были открыты, и бумаги на письменном столе шелестели, придавленные предметами, мешавшими им улететь.

- Я просил вас сесть...

В течение десяти минут он не обращался к зубному врачу, занятый подписыванием документов, которые ждали его на столе. Он вызвал звонком Жозефа, передал ему папку, потом медленными и методическими движениями набил полдюжины трубок, разложенных перед ним в ряд.

Редко бывало, чтобы кто-нибудь, находившийся на месте Серра, выдержал бы так долго, не задавая вопросов, не нервничая, не двигая ногами.

Наконец постучали в дверь. Это был фотограф, весь день работавший с ними, которому Мегрэ дал поручение. Он протянул комиссару еще мокрый снимок документа.

- Спасибо, Дамбуа. Побудьте там, наверху. Не уходите, не предупредив меня.

Он подождал, пока фотограф закроет за собой дверь, раскурил одну из трубок.

- Подвиньте, пожалуйста, ваш стул поближе, месье Серр.

Они сидели теперь друг против друга, разделенные только письменным столом. Через этот стол Мегрэ и протянул Серру документ, который он держал в руке.

Он не добавил никаких объяснений. Зубной врач взял листок, вынул из кармана очки, внимательно осмотрел его и положил на стол.

- Я вас слушаю.

- Мне нечего сказать.

Это была фотография страницы учетной книги из москательной лавки, той страницы, где была записана продажа второго стекла и второго куска замазки.

- Вы отдаете себе отчет в том, какие это влечет за собой последствия?

- Значит, против меня выдвинуто обвинение, так, что ли?

Мегрэ подумал.

- Нет, - решил он. - Официально вы вызваны как свидетель. Однако, если хотите, я готов выдвинуть против вас обвинение, вернее, просить прокурора сделать это. Тогда вы сможете прибегнуть к помощи адвоката.

- Я уже говорил вам, что адвокат мне не нужен.

Это был только первый этап борьбы. Здесь, в кабинете, превратившемся в своего рода ринг, два тяжеловеса наблюдали друг за другом, примерялись друг к другу взглядом. В комнате инспекторов, где Жанвье только что ввел в курс дела своих товарищей, царил тишина.

- Я думаю, что это кончится не скоро, - предупредил он их.

- Начальник пойдет до конца.

- Да, раз уж он решил.

Они все знали, что это означало, и Жанвье первый позвонил жене и сказал, чтобы она не удивлялась, если он не вернется до утра.

- Вы страдаете болезнью сердца, месье Серр?

- Гипертрофия сердца, как и у вас, вероятно.

- Ваш отец умер от болезни сердца, когда вам было семнадцать лет, не так ли?

- Семнадцать с половиной.

- Ваша первая жена умерла от болезни сердца. У вашей второй жены тоже была сердечная болезнь.

- По статистике приблизительно тридцать процентов всех людей умирает от сердечной недостаточности.

- Ваша жена застрахована, месье Серр?

- С самого детства.

- Да, правда, я там видел страховой полис. А жизнь вашей матери, если память мне не изменяет, не застрахована.

- Точно.

- Ваш отец был застрахован?

- Вероятно.

- Ваша первая жена тоже?

- Да, ведь это обычно так делается.

- Но менее обычно хранить в сейфе несколько миллионов золотыми монетами и изделиями.
- Вы так думаете?
- Можете вы мне сказать, почему вы держите эти деньги дома, почему они лежат у вас мертвым капиталом?
- Я думаю, что в наше время тысячи людей поступают так же. Вы забываете о валютных законах, сеявших панику уже несколько раз, об огромных налогах и следующих друг за другом девальвациях...
- Понятно. Вы признаете, что намеренно прятали свои капиталы и обманывали налоговое управление?
- Серр замолчал.
- Знала ли ваша жена - я говорю о второй, о Марии, - что эти деньги были заперты у вас в сейфе?
- Знала.
- Вы ей об этом сказали?
- Ее собственные деньги находились там же еще несколько дней тому назад.
- Он медлил, прежде чем ответить, взвешивал свои слова, пытливо глядя на комиссара.
- Среди ваших бумаг я не нашел брачного контракта. Должен ли я из этого заключить, что вы поженились при условии общности имущества?
- Совершенно верно.
- Разве это не странно, учитывая ваш и ее возраст?
- Мы поступили так по причине, о которой я уже говорил. Чтобы подписать контракт, нам пришлось бы указать состояние каждого из нас.
- Но общность имущества была все-таки только фиктивная?
- Каждый из нас имел право распоряжаться своим состоянием. Разве это не естественно?
- Ваша жена была богата?
- Она богата.
- Так же, как и вы?
- Приблизительно так же.
- Все ее состояние находится во Франции?
- Нет, только часть. От своего отца она наследовала долю в предприятии по производству сыра, в Голландии.
- В каком виде хранила она свое остальное имущество?
- Главным образом в золоте.
- Еще прежде, чем она познакомилась с вами?
- Я вижу, к чему вы клоните. И тем не менее отвечу вам правду. Это я посоветовал ей продать ценные бумаги и купить золото.
- Это золото хранилось у вас в сейфе вместе с вашим?
- Да, оно хранилось там.
- До каких пор?
- До вторника. Вскоре после полудня, когда она уже запаковала почти все свои вещи, она спустилась ко мне, и я передал ей все, что ей принадлежало.
- Значит, в момент отъезда жены эта сумма находилась в одном из ее чемоданов или в сундуке?
- Вероятно.

- Она не выходила из дома до обеда?
- Я не слышал, чтобы она выходила.
- Значит, насколько вам известно, она не выходила?

Он кивнул.

- Звонила она кому-нибудь по телефону?
- У нас в доме один телефонный аппарат. Он в моем кабинете, она им не пользовалась.
- Чем вы докажете, месье Серр, что деньги, обнаруженные мною в сейфе, только ваши, а не ваши и вашей жены?

Совершенно спокойно, все с тем же утомленным или презрительным видом зубной врач вытащил из кармана зеленую записную книжку и протянул ее комиссару. Ее страницы были покрыты мельчайшими цифрами. С левой стороны наверху стояла буква "Н", справа буква "М".

- Что означает "Н"?
- Наше. То есть моей матери и мое. Деньги всегда у нас были общие, мы не различали, что принадлежит ей и что мне.
- Буква "М", наверное, означает Мария?
- Вы правы.
- Одна цифра здесь повторяется через определенные промежутки.
- Это ее участие в расходах на хозяйство.
- Она вам платила каждый месяц сумму, истраченную на ее содержание?
- Если хотите. На самом деле она мне не платила, потому что ее деньги лежали в сейфе, но ее счет соответственно уменьшался.

В течение нескольких минут Мегрэ молча перелистывал страницы записной книжки, потом встал и прошел в соседний кабинет, где инспектора, словно школьники в классе, сразу приняли очень деловой вид.

Он тихим голосом дал какие-то инструкции Жанвье.

Когда он вернулся к себе в кабинет, Серр, который не двинулся с места, только что закурил одну из своих длинных сигар и пробормотал довольно бесцеремонно:

- Вы разрешите?
- Мегрэ хотел было ответить "нет", но лишь пожал плечами.
- Вы подумали об этом втором стекле, месье Серр?
 - Я не ломал себе голову по этому поводу.
 - Напрасно. Лучше бы вы нашли приемлемое объяснение.
 - Я его не ищу.
 - Вы продолжаете утверждать, что только один раз вставляли стекло в окне вашего кабинета?
 - На следующий день после грозы.
 - Хотите, мы удостоверимся в метеорологической службе, что в Нейи не было грозы в ночь со вторника на среду?
 - Бесполезно... Если только это доставит вам удовольствие. Я говорю о грозе на прошлой неделе.
 - На следующий день вы пошли в москательную лавку на улице Лоншан и купили там стекло и замазку.
 - Я уже говорил вам об этом.
 - Вы утверждаете, что с тех пор не заходили в этот магазин?

И Мегрэ подвинул ему фото учетной книги.

- Как вы думаете, зачем им понадобилось второй раз записывать в книгу эту покупку стекла и замазки?

- Не знаю.

- Почему торговец заявляет, что вы приходили к нему в магазин в среду, около восьми часов утра?

- Это его дело.

- Когда вы в последний раз пользовались своей машиной?

- В прошлое воскресенье.

- Куда вы ездили?

- Мы с матерью катались часа два или три, как обычно по воскресеньям.

- В каком направлении?

- В сторону леса Фонтенбло.

- Ваша жена была с вами?

- Нет. Она себя неважно чувствовала.

- С разводом уже было решено?

- У нас никогда не было речи о разводе. Она устала, у нее была депрессия. Она не всегда ладила с моей матерью. С общего согласия было решено, что она поедет провести несколько недель или несколько месяцев у себя на родине.

- И все-таки она увезла с собой свои деньги?

- Да. Потому что могло случиться и так, что она не вернется. Мы уже не дети. Мы способны хладнокровно смотреть на жизнь. Хотели проделать нечто вроде опыта.

- Скажите, месье Серр, чтобы проехать в Амстердам, надо ведь пересечь две границы, не так ли? Французские таможенники довольно строго относятся к вывозу капиталов. Ваша жена не боялась, что ее золото обнаружат и конфискуют?

- Я обязан отвечать?

- Думаю, что это в ваших интересах.

- Даже если я рискую тем, что меня станут преследовать по суду?

- Это будет, наверное, не так серьезно, как обвинение в убийстве.

- Ну хорошо. В одном из чемоданов моей жены было двойное дно.

- Специально для этого путешествия?

- Нет.

- Она уже раньше пользовалась этим чемоданом?

- Несколько раз.

- Чтобы проезжать через границу?

- Да, через бельгийскую границу и один раз через швейцарскую. Вы, конечно, знаете, что до последнего времени было легче и выгоднее покупать золото в Бельгии и особенно в Швейцарии.

- Вы признаете, что участвовали в этой перевозке капиталов?

- Признаю.

Мегрэ встал и снова пошел в комнату инспекторов.

- Можешь зайти ко мне на минутку, Жанвье?

Потом, вернувшись к себе, обратился к Серру:

- Мой инспектор регистрирует эту часть нашей беседы. Повторите ему, пожалуйста, в точности все, что вы мне только что сказали. Пусть он подпишет свои показания, Жанвье.

Мегрэ вышел, спросил у Ваше, в какой комнате сидит переводчик. Это был маленький человечек в очках, он отстукивал перевод прямо на машинке и иногда останавливался, чтобы заглянуть в словарь. Писем было не меньше сорока, большинство состояло из нескольких листков.

- С чего вы начали?

- С начала. Дошел до третьего письма. Все три написаны больше двух с половиной лет тому назад. В первом эта дама рассказывает своей приятельнице, что она выходит замуж, что ее будущий муж очень утонченный, представительный, принадлежит к крупной французской буржуазии и что мать его похожа на какую-то картину из Лувра, уж не помню какую. Могу сказать вам, какого художника.

Он перелистал страницы.

- На картину Клуэ. В ее письмах речь все время идет о живописи. Когда она говорит о погоде, то вспоминает Моне или Ренуара.

- Я хотел бы, чтобы вы теперь начали с конца.

- Пожалуйста. Вы знаете, если я даже буду работать всю ночь, мне не кончить до утра.

- Потому я и прошу вас начать с конца. Последнее письмо написано когда?

- В прошлое воскресенье.

- Можете мне его быстро прочесть?

- В общих чертах могу. Подождите.

"Дорогая Гертруда, Париж никогда не был так великолепен, как сегодня утром, и я чуть не поехала с Г. и его матерью в лес Фонтенбло, который, должно быть, расцвечен всеми чудесными красками Коро и Курбе..."

- Много еще про это великолепие?

- Пропустить?

- Пропустите.

Переводчик пробежал глазами письмо и шевелил губами, как во время церковной службы.

- Вот:

"Я думаю о том, какое впечатление произведет на меня наша Голландия с ее пастельными тонами. Теперь, когда приближается решительный момент, я чувствую, что начинаю трусить.

...После всего, что я написала тебе о своей жизни здесь, о Г. и о моей свекрови, ты, наверное, недоумеваешь, что со мной происходит и почему я потеряла свою жизнерадостность.

...Может быть, причиной тому сон, который я видела этой ночью и который испортил мне весь день.

Ты помнишь маленькую картину, которая находится в музее в Гааге, - она еще заставила нас покраснеть?

Подписи на ней нет. Приписывается одному художнику флорентийской школы, имя его я забыла, и изображает фавна, уносящего на плече совершенно обнаженную женщину, которая вырывается из его рук.

Помнишь?

У приснившегося мне фавна было лицо Г., и вид у него был такой свирепый, что я проснулась дрожа и вся в поту.

Самое странное, это что я не ощущала страха. Я помню все только смутно. Конечно, тут был и страх, но к нему примешивалось другое чувство. Я попытаюсь рассказать тебе об этом в среду, тут мы сможем наконец поболтать вволю, как мы болтали, когда ты приезжала в последний раз.

Решено, я выезжаю во вторник вечером. В этом нет никакого сомнения. Ждать осталось только два дня. За это время мне надо сделать кучу вещей. Время, значит, пройдет быстро. И все-таки мне кажется, что это будет еще не скоро, что это почти нереально.

Иногда, в особенности после этого сна, мне кажется, что произойдет какое-то событие, которое помешает мне уехать.

Не бойся. Я решила окончательно. Я последую твоему совету. Я не могу дольше выносить эту жизнь. Но..."

- Вы здесь, начальник?

Это был Жанвье с листками в руках.

- Готово. Он вас ждет.

Мегрэ взял бумаги, оставил переводчика за его работой, с озабоченным видом прошел через комнату инспекторов.

В тот момент еще никто не предвидел, сколько времени продлится допрос. Гийом Серр поднял на комиссара глаза, сам взял со стола перо.

- Я, наверно, должен подписать?

- Да, вот здесь. Вы прочли?

- Прочел. Могу я попросить у вас стакан воды?

- А может быть, лучше красного вина?

Зубной врач взглянул на него, и на губах его мелькнула неясная улыбка, полная иронии и горечи.

- И это тоже? - проговорил он сквозь зубы.

- И это тоже, месье Серр. Вы так боитесь своей матери, что вам приходится пить тайком.

- Это вопрос? Я должен отвечать?

- Если считаете нужным.

- Знайте же: отец моей матери был алкоголик, два его брата, теперь уже покойники, тоже пили, а его сестра кончила свои дни в сумасшедшем доме. Мать все время жила в страхе, что я тоже начну пить: она отказывается верить, что эта склонность не врожденная.

Когда я был студентом, она всегда с тоской ждала меня и, случалось, бродила вокруг кафе на бульваре Сен-Мишель, где я сидел со своими товарищами. У нас в доме никогда не было спиртного...

- Она вам позволяет выпить стакан вина, разбавленный водой, только за завтраком и обедом, не так ли?

- Я знаю, что она приходила к вам и говорила с вами.

- Вы очень любите свою мать, месье Серр?

- Мы почти всегда жили неразлучно, она и я.

- Вроде супружеской пары?

Он слегка покраснел.

- Не знаю, что вы хотите этим сказать.

- Ваша мать вас ревнует?

- Простите?

- Я спрашиваю, ревнует ли вас мать к вашим знакомым, как это иногда бывает, когда у вдовы остается единственный сын. У вас много друзей?

- А это тоже имеет отношение к так называемому исчезновению моей жены?

- Я не нашел у вас в доме ни одного письма от приятеля, ни одной групповой фотографии, такой, какую можно найти почти у всех людей.

Он ничего не сказал.

- Нет также и фотографии вашей первой жены.

Снова молчание.

- Меня поразила еще одна мелочь, месье Серр.

Портрет, который висит над камином, это ведь портрет вашего деда по материнской линии?

- Да.

- Того, который пил?

Серр кивнул.

- В одном ящике я нашел несколько ваших портретов, когда вы были ребенком и молодым человеком, портреты женщин и мужчин, должно быть вашей бабушки, тетки и дядей. Все с материнской стороны. Не кажется ли вам странным, что у вас в доме нет ни одного портрета вашего отца и его родных?

- Это меня не поражало.

- Что, их уничтожили после смерти вашего отца?

- На этот вопрос вам скорее могла бы ответить мать.

- А вы не помните, чтобы их уничтожили?

- Я тогда был мальчиком.

- Вам было семнадцать лет. Каким образом вы представляете себе вашего отца, месье Серр?

- Это входит в допрос?

- Ни мои вопросы, ни ваши ответы, как видите, не регистрируются. Ваш отец был адвокатом?

- Да.

- Он сам занимался своей конторой?

- Довольно мало. Большую часть работы делал его старший письмоводитель.

- Что, ваш отец вел светскую жизнь? Или целиком посвящал себя семье?

- Он часто уходил из дома.

- У него были любовницы?

- Я ничего об этом не знаю.

- Он умер в своей постели?

- На лестнице, возвращаясь к себе в спальню.

- Вы были дома?

- Нет, я уходил. Когда я вернулся, он умер уже больше часа тому назад.

- Кто его лечил?

- Доктор Дютийё.

- Он еще жив?

- Умер лет десять тому назад.

- Вы присутствовали при смерти вашей первой жены?

Он нахмурил свои густые брови, в упор глядя на Мегрэ, и с каким-то отвращением выпятил нижнюю губу.

- Отвечайте, пожалуйста.

- Я был в доме.

- В какой части дома?
- В своем кабинете.
- В котором часу это случилось?
- Около девяти часов вечера.
- Ваша жена была у себя в спальне?
- Она рано поднялась туда. Она себя плохо чувствовала.
- Она себя плохо чувствовала уже несколько дней?
- Не помню.
- Ваша мать была с ней?
- Да, она тоже была наверху.
- С ней?
- Не знаю.
- Мать вас позвала?
- Кажется, да.
- Когда вы вошли в спальню, ваша жена была уже мертва?
- Нет.
- Она умерла еще не скоро?
- Через пятнадцать или двадцать минут. Доктор как раз позвонил у дверей.
- Какой доктор?
- Дютийё.
- Он был вашим домашним врачом?
- Он лечил меня, когда я был еще ребенком.
- Знакомый вашего отца?
- Матери.
- У него есть дети?
- Двое или трое.
- Вы потеряли их из виду?
- Я с ними не был знаком.
- Почему вы не сообщили в полицию, что ваш сейф пытались взломать?
- Мне нечего было сообщать в полицию.
- Куда вы дели инструменты?
- Какие инструменты?
- Те, которые вор, убегая, оставил на месте.
- Я не видел ни инструментов, ни вора.
- Вы не пользовались своей машиной в ночь со вторника на среду?
- Не пользовался.
- А вы не знаете, кто-нибудь ею пользовался?
- С того времени мне не приходилось заходить в гараж.
- Когда вы поставили туда машину в прошлое воскресенье, там были царапины в заднем багажнике и на правом крыле?
- Я ничего там не заметил.

- Вы выходили из машины, когда катались с матерью?

Он ответил не сразу.

- Я задал вам вопрос.

- А я пытаюсь вспомнить.

- Кажется, это не трудно. Вы катались по дороге в Фонтенбло. Вы там выходили из машины?

- Да. Мы прошли пешком по полям.

- Вы хотите сказать, по дороге, пролегающей среди полей?

- По дорожке среди лугов, справа от большой дороги.

- Вы могли бы отыскать эту дорожку?

- Думаю, что да.

- Она асфальтирована?

- Пожалуй, нет. Нет. Вряд ли.

- Где ваша жена, месье Серр? - И комиссар поднялся, не ожидая ответа. - Нам все же надо отыскать ее, не правда ли?

Глава 7,

в которой мы видим одну, потом двух женщин в зале ожидания и в которой одна из них делает знак Мегрэ не показывать вида, что они знакомы.

Уже около пяти часов Мегрэ открыл дверь, ведущую из его кабинета в комнату инспекторов, и мигнул Жанвье. Немного погодя он снова поднялся, чтобы, несмотря на жару, закрыть окно - ему мешал шум, доносившийся с улицы.

Без десяти шесть он прошел в соседнюю комнату, держа в руках свой пиджак.

- Теперь твоя очередь, - сказал он, обращаясь к Жанвье.

Жанвье и его товарищи уже давно все поняли. Еще на улице Ла-Ферм, когда комиссар приказал Серру следовать за ним, Жанвье был почти уверен, что ему не скоро удастся уйти с набережной Орфевр. Его удивляло только то, что начальник так быстро принял решение, не ожидая, пока соберет все улики.

- Она в приемной, - проговорил он вполголоса. - Мать.

Мегрэ позвал инспектора Марльё, знающего стенографию.

- Задавать те же вопросы? - спросил Жанвье.

- Те же. И любые. Какие придут тебе в голову.

Мегрэ, видимо, решил взять зубного врача измором.

Они будут сменять друг друга, будут выходить, чтобы выпить чашку кофе или пива, немного размяться, Серру же передышки не будет.

Прежде всего Мегрэ пошел к переводчику, который наконец решился снять пиджак и галстук.

- Что она теперь пишет?

- Я перевел четыре последних письма. Вот, в предпоследнем, одно место вас, может быть, заинтересует.

"Решено, милая Гертруда. Я до сих пор сама не понимаю, как это могло произойти. Однако же прошлой ночью я не видела снов, а если и видела, то не помню какие".

- Она много пишет о своих снах!

- Да. О них много говорится в письмах. И она их разъясняет.

- Продолжайте.

"Ты часто задавала мне вопрос, чего мне не хватает в жизни, и я отвечала, что ты можешь быть спокойна: я счастлива. А на самом деле я пыталась сама себя в этом убедить.

Я честно делала все возможное в течение двух с половиной лет, чтобы поверить, что я здесь у себя дома и что Г. мой муж.

Видишь ли, в действительности я знала, что это не правда, что я всегда была здесь чужой, гораздо более чужой, чем в семейном пансионе, который ты знаешь и в котором мы провели столько славных часов.

Почему я вдруг решила открыто признаться себе в этом? Помнишь, когда мы были маленькими, нам тогда нравилось сравнивать все, что мы видели - людей, улицы, животных, - с картинками в наших альбомах. Мы хотели бы, чтобы жизнь была похожа на то, что мы видим. Потом, позднее, когда мы стали посещать музеи, мы судили о жизни по тому, что видели на картинах.

Так было и здесь, хотя я уже догадывалась, что вижу не то, что есть, а то, что хочу увидеть. Но сегодня утром я вдруг поняла, каков этот дом в действительности, я стала смотреть на свою свекровь, я стала смотреть на Г. другими глазами, не строя иллюзий.

У меня их не было уже давно - я говорю об иллюзиях. Ты, конечно, меня понимаешь. У меня их уже не было, но я упрямо старалась сохранить их.

Теперь кончено. Я сразу решила уехать. Я еще не говорила никому. Старая дама об этом и не подозревает. Со мной она по-прежнему ласкова, улыбается мне, при условии, чтобы я делала все, что она захочет.

Это самая большая эгоистка из всех, кого я знаю".

- Эти слова подчеркнуты, - заметил переводчик. - Продолжать?

"Что до Г., то я думаю, не будет ли мой отъезд для него облегчением. Он с самого начала знает, что между нами нет ничего общего. Я никогда не могла привыкнуть к его коже, к его запаху. Ты теперь понимаешь, почему у нас нет общей спальни, а ведь это так удивляло тебя вначале?"

Прошло два с половиной года, а у меня такое чувство, как будто я только вчера впервые встретила его на улице или в метро, и я вздрагиваю каждый раз, когда ему случается войти ко мне в спальню. К счастью, это бывает редко.

Между нами говоря, я думаю, что он приходит только потому, что хочет доставить мне удовольствие или считает это своим долгом.

Быть может, его мать велит ему это делать? Возможно. Я не знаю, как в таких случаях ведет себя твой муж, но что касается Г., то у него вид провинившегося ученика, которого в наказание за лень заставили переписать пять страниц. Ты меня понимаешь?

Я часто думала, таким ли он был и со своей первой женой? Очень возможно. Он, конечно, будет таким же с кем угодно. Видишь ли, для этих людей - я говорю о матери и сыне - весь мир заключается в них двоих, им больше никто не нужен.

Странно думать, что у этой старой дамы когда-то был муж. В доме о нем никогда не говорят. Кроме их самих, на свете для них существуют только те люди, чьи портреты висят на стенах, люди, которые умерли, но о которых говорят так, словно они в большей степени живые, чем все живые на земле.

Я не могу больше, Гертруда. Сейчас я поговорю с Г. Скажу ему, что мне необходимо подышать воздухом своей родины, и он поймет. Только вот не знаю, как он посмеет заговорить об этом со своей матерью..."

- Там еще много? - спросил Мегрэ.

- Семь страниц.

- Продолжайте переводить. Я к вам еще приду. Когда захотите есть или пить, позвоните в пивную "У дофины". Они вам принесут все, что вы закажете.

Из коридора он увидел, что в приемной с застекленной стенкой на одном из стульев, обитых зеленым бархатом, сидела мадам Серр. Она держалась прямо, сложив руки на коленях. Когда старуха заметила Мегрэ, она привстала, но Мегрэ прошел не задерживаясь.

- Улица Гей-Люссако, - сказал он шоферу. - Я покажу, где остановиться.

Большие деревья Люксембургского сада шумели под легким ветром, все стулья были заняты, мелькали светлые платья, в аллеях еще играли дети.

- Мэтр Орэн у себя? - спросил он консьержку.

- Вот уже больше месяца, как он, бедняжка, не выходит.

Как это Мегрэ вдруг вспомнил о нем? Вероятно, это был самый старый адвокат во всем Париже. Комиссар не знал, сколько ему лет, но на его памяти мэтр Орэн всегда был старым, почти немощным, что не мешало ему постоянно улыбаться и особенно весело, когда речь заходила о женщинах.

Он жил вместе со служанкой, почти такой же старой, как и он сам, в холостяцкой квартире, заваленной книгами и гравюрами, которые он коллекционировал: сюжеты большинства из этих гравюр были весьма игривыми.

Орэн сидел в кресле перед открытым окном; колени его, несмотря на жару, были укрыты одеялом.

- Ну, как дела, сынок? Каким ветром тебя сюда занесло? Я уже думал, что никто меня не помнит и все считают, что я давно уже на кладбище Пер-Лашез. Ну, так о чем же пойдет речь на этот раз?

Мегрэ немного покраснел, потому что и в самом деле редко бывал у адвоката бескорыстно.

- Я тут подумал, не знаете ли вы, случайно, некоего Серра, который, если не ошибаюсь, умер тридцать два или тридцать три года назад.

- Алэна Серра?

- Он был адвокатом.

- Значит, он самый.

- Что это был за человек?

- Я, вероятно, не имею права знать, почему ты о нем спрашиваешь?

- Из-за его сына.

- Никогда не видел этого мальчишку. Я знал, что он существует, но никогда его не встречал. Видите ли, Мегрэ, Алэн и я, мы принадлежали к веселой компании, для которой семья была отнюдь не главным в жизни. Нас всегда можно было встретить в клубе и за кулисами бульварных театров, и мы знали, как зовут по имени каждую танцовщицу. - Он добавил с игривой улыбкой:

- Да и не только по имени!

- Вы не были знакомы с его женой?

- Должно быть, меня с ней познакомили. Она, кажется, жила где-то в Нейи? В течение нескольких лет мы совсем потеряли Алэна из виду. Он был не первым, с кем это случалось. Иные не успеют жениться, как уже сразу начинают смотреть на нас свысока. Я уж и не рассчитывал, что увижусь с ним. Потом, много времени спустя...

- Приблизительно через сколько времени?

- Не знаю. Через несколько лет. Постойте. Клуб уже переехал с улицы Фобур-Сент-Оноре на авеню Фош. Через десять лет? Через двенадцать? Во всяком случае, он к нам вернулся,,.

- Ну и что же дальше?

- Ничего. Он старался наверстать упущенное. Он долго жил с певичкой, которую звали... У нее еще был такой большой рот... Мы дали ей прозвище... Что-то пикантное... Не могу вспомнить.

- Он пил?

- Не больше других. Случалось, две-три бутылки шампанского...

- Что с ним было дальше?

- То, что в конце концов ожидает всех нас. Он умер.

- И это все?

- О продолжении, мой милый, надо спросить там, наверху. Это уж дело святого Петра, а не мое. А что там натворил его сын?

- Пока еще не знаю. Его жена исчезла.

- Он любит покутить?

- Нет. Как раз наоборот.

- Жюльетта! Принесите нам чего-нибудь.

Мегрэ пришлось посидеть еще четверть часа со стариком, который обязательно хотел найти среди своих гравюр набросок с той самой певички.

- Я не уверен, что она здесь похожа. Это сделал один очень талантливый парень однажды вечером, когда наша компания нагрянула к нему в мастерскую.

Девица была изображена голышом, она стояла на руках, лица ее не было видно, его закрыли волосы, спустившиеся до самого пола.

- Заходите ко мне почаще, милый Мегрэ. Если бы у вас было время разделить мой скромный завтрак...

В углу согревалась принесенная из погреба бутылка вина, и в квартире приятно пахло чем-то вкусным.

Руанской полиции так же не удалось разыскать Альфреда Унылого, как не удалось и гаврской. Вероятно, специалист по сейфам уже уехал из Руана. Может быть, он перебрался еще ближе к Парижу? Может быть, прочел объявление Эрнестины?

Мегрэ послал инспектора обследовать набережные.

- Откуда мне начинать?

- Как можно дальше вверх по течению.

Он позвонил жене, что не приедет к ужину.

- А ночевать будешь дома?

- Может быть, и нет. - Отвечая так, Мегрэ боялся, что, скорее всего, нет.

Он тоже знал, что взвалил на себя большую ответственность, ускорив события и приведя Гийома Серра на набережную Орфевр, прежде чем получил хоть какие-нибудь доказательства его виновности. Отступить теперь было поздно.

Медленными шагами он вновь поднялся по лестнице уголовной полиции. Там только что зажгли лампы, хотя было еще светло. На втором этаже он машинально взглянул в зал ожидания, и первое, что увидел, это была зеленая шляпа, которая уже начала действовать ему на нервы.

Эрнестина была здесь. Она сидела напротив мадам Серр, сложив руки на коленях так же, как и старая дама, с таким же терпеливым и покорным видом. Она сразу же заметила комиссара, поглядела на него и отрицательно качнула головой.

Как он понял, это означало просьбу сделать вид, что он ее не знает. Эрнестина тут же отвела глаза и принялась что-то рассказывать старой даме.

Пожав плечами, Мегрэ толкнул дверь комнаты инспекторов. Стенографист работал, пристроив блокнот на коленях. Слышался усталый голос Жанвье и его размеренные шаги по соседнему кабинету.

- Вы утверждаете, месье Серр, что ваша жена пошла ловить такси на углу бульвара Ришар-Валлас. Сколько времени она отсутствовала?

Прежде чем сменить Жанвье, Мегрэ полез на чердак к Мерсу, который был занят разборкой документов.

- Скажи-ка, малыш, кроме кирпичной пыли, других следов в автомобиле вы не обнаружили?

- Машина была тщательно вычищена.

- Ты в этом уверен?

- Я только случайно нашел немного тертого кирпича в складке коврика, на месте шофера.

- Предположим, что машину не чистили и что водитель выходил на проселочной дороге.

- Асфальтированной?

- Нет. Он вышел со своим спутником или спутницей, они оба прошли по дороге и потом вернулись в машину.

- И машина после этого не чистилась?.. Тогда остались бы следы. Может быть, немного. Но я бы их обнаружил.

- Это все, что я хотел знать. Не уходи.

- Понял. Кстати, я нашел два волоса в комнате исчезнувшей женщины. От природы она была блондинка, но красилась в рыжеватый цвет. Я знаю также, какую она употребляла пудру.

Комиссар спустился по лестнице, вошел на этот раз в свой кабинет и снял пиджак. С самого обеда он не переставая курил трубку, Жанвье - сигареты, а Серр - сигару. Воздух был синий от дыма.

- Вы не хотите пить, месье Серр?

- Инспектор дал мне стакан воды.

Жанвье уже выходил из комнаты.

- А вы не предпочли бы стакан пива или вина?

Серр снова принял обиженный вид, как будто сердился на Мегрэ за эти мелкие уколы.

- Благодарю вас.

- Сэндвич?

- Вы собираетесь держать меня еще долго?

- Не знаю. Это будет зависеть от вас.

Он направился к двери и обратился к инспекторам:

- Может кто-нибудь принести карту дорог в окрестностях Фонтенбло?

Он не торопился. Пока еще шла только игра. И было неизвестно, кто будет в выигрыше.

- Когда пойдешь закусывать, вели принести сюда сэндвичи и пива, Жанвье.

- Хорошо, шеф.

Ему принесли карту дорог.

- Покажите мне то место, где вы в воскресенье остановили свою машину.

Серр взял со стола карандаш и начертил крестик на пересечении шоссе и проселочной дороги.

- Если тут есть налево ферма с красной крышей, значит, у этой дороги.

- Сколько времени вы прогуливались пешком?

- Приблизительно четверть часа.

- Вы были в тех же башмаках, что и сегодня?

Он подумал, посмотрел на свои башмаки и кивнул.

- Вы в этом уверены?

- Уверен.

Это были башмаки с подбитыми резиной каблуками, с выдавленными концентрическими кругами у фабричной марки.

- А вы не думаете, месье Серр, что для вас проще и не так утомительно перейти прямо к делу? В какой момент вы убили вашу жену?

- Я не убивал ее.

Мегрэ вздохнул, пошел в соседнюю комнату, чтобы дать инспекторам новые инструкции. Что ж тут поделаешь! Быть может, это протянется еще долгие часы. Цвет лица у зубного врача был уже не таким свежим, как сегодня утром, а под глазами появились темные круги.

- Почему вы на ней женились?

- Мне мать посоветовала.

- Зачем это было ей нужно?

- Она боялась, что я когда-нибудь останусь один.

Она думает, что я до сих пор еще ребенок и нужно, чтобы кто-то обо мне заботился.

- И не давал вам пить?

Молчание.

- Вероятно, между вами и Марией Ван Аэртс и речи не было о любви?

- Нам обоим под пятьдесят.

- Когда вы начали ссориться?

- Мы никогда не ссорились.

- Чем вы занимались по вечерам, месье Серр?

- Я чаще всего читал в своем кабинете.

- А ваша жена?

- Она писала у себя в комнате. Она рано ложилась.

- Много денег проиграл ваш отец?

- Я не понимаю.

- Вы слышали от кого-нибудь, что ваш отец кутил напропалую, как выражались в то время.

- Он редко бывал дома.

- Тратил большие суммы?

- Я думаю, да.

- Ваша мать устраивала ему сцены?

- Мы не такие люди, чтобы устраивать сцены.

- Сколько денег принес вам ваш первый брак?

- Мы с вами говорим на разных языках.

- Когда вы были женаты в первый раз, имущество у вас с женой было общее?

- Совершенно верно.

- Пока не будет обнаружено тело вашей второй жены, вы не сможете получить от нее наследство.

- Почему вы думаете, что ее не найдут живую?

- Вы в это верите, Серр?

- Я не убивал ее.

- Почему вы вывели из гаража вашу машину во вторник вечером?

- Я ее не выводил.

- Консьержка дома напротив вас видела. Было около полуночи.

- Вы забываете, что там три гаража, три бывшие конюшни, ворота которых соприкасаются. Вы сами говорите, что это было ночью. Она могла ошибиться.

- Но москательщик не мог принять вас за кого-нибудь другого среди бела дня, когда вы пришли купить у него замазку и второе стекло.

- Почему вы верите ему больше, чем мне?

- Я верил бы вам при условии, если бы вы не убили свою жену. Что вы сделали с чемоданами и с сундуком?

- Мне уже третий раз задают этот вопрос. На этот раз вы забыли спросить об инструментах.

- Где вы были во вторник, около полуночи?

- В своей постели.

- Вы чутко спите, месье Серр?

- Нет. Моя мать спит чутко.

- Вы ничего не слышали, ни вы, ни она?

- Я уже, кажется, говорил вам, что нет.

- А в среду утром все в доме было в порядке?

- Я полагаю, что, раз началось следствие, вы имеете право меня допрашивать. Вы решили взять меня измором, не так ли? Ваш инспектор уже задавал мне эти вопросы. Теперь вы начинаете снова. Я предвижу, что это протянется всю ночь. Чтобы не терять времени, повторяю в последний раз: я не убивал своей жены. Заявляю вам также, что я не буду отвечать на вопросы, которые мне уже задавали. Моя мать здесь?

- А у вас есть основания думать, что она здесь?

- Это вам кажется ненормальным?

- Она сидит в зале ожидания.

- Вы собираетесь продержат ее там всю ночь?

- Пускай сидит, если хочет. Она свободна.

На этот раз Гийом Серр посмотрел на него с ненавистью.

- Мне не хотелось бы заниматься тем, чем занимаетесь вы.

- А я бы не хотел быть на вашем месте.

Они молча посмотрели друг на друга, и ни один не опустил глаза.

- Вы убили свою вторую жену, Серр, как, вероятно, убили и первую.

Тот и бровью не повел.

- Вы признаетесь в этом.

На губах зубного врача мелькнула презрительная улыбка, он откинулся на спинку стула и скрестил ноги.

Слышно было, как в соседней комнате официант из пивной "У дофины" ставит на письменный стол тарелки и рюмки.

- Я съел бы что-нибудь.

- Может, хотите снять пиджак?

- Нет.

Он принялся медленно жевать свой сэндвич, в то время как Мегрэ налил ему стакан воды из-под крана.

Стекла окон постепенно темнели, пейзаж за ними таял, и вместо него появились светящиеся точки, казавшиеся такими же далекими, как звезды.

Комиссару пришлось послать за табаком. В одиннадцать часов зубной врач уже курил свою последнюю сигару, и воздух становился все тяжелее. Два раза комиссар выходил размяться и видел двух женщин, сидевших в приемной. Когда он во второй раз проходил мимо них, они уже сдвинули стулья и болтали, как будто были знакомы с незапамятных времен.

- Когда вы чистили свою машину?

- В последний раз ее чистили две недели назад на одной заправочной станции в Нейи, там же меняли масло.

- А после воскресенья ее снова чистили?

- Нет.

- Видите ли, месье Серр, мы только что произвели решающий опыт. Один мой инспектор, у которого, как и у вас, на башмаках были резиновые набойки, поехал на указанный вами перекресток, на шоссе, ведущее в Фонтенбло. Он вышел из машины и прогулялся по проселочной дороге, как вы с вашей матерью в воскресенье. Проселочная дорога не асфальтирована. Он сновасел в автомобиль и вернулся сюда. Специалисты исследовали коврик его машины.

Вот пыль и песок, которые они собрали.

Мегрэ бросил на стол мешочек.

Серр не шевельнулся.

- Мы должны были бы найти такую же пыль на коврик-щетке вашей машины.

- И это доказывает, что я убил свою жену?

- Это доказывает, что машина была вычищена после воскресенья.

- А никто не мог пробраться в мой гараж?

- Это маловероятно.

- Ваши люди не входили туда?

- В чем вы хотите нас обвинить?

- Ни в чем, месье комиссар. Я никого не обвиняю.

Я только прошу вас заметить, что эта операция проходила без свидетелей, а значит, она не может служить законным доказательством.

- Вы не хотите поговорить с вашей матерью?

- А вам хотелось бы знать, что мне нужно сказать ей? Ничего, месье Мегрэ. Мне нечего сказать ей, и ей нечего сказать мне... Она что-нибудь ела?

- Не знаю. Повторяю вам, она свободна.

- Она не выйдет отсюда, пока я буду здесь.

- Пожалуй, ей придется ждать долго.

Серр опустил глаза, переменял тон. После долгих колебаний он прошептал, казалось, немного смущенно:

- Наверное, это было бы слишком, если бы я попросил вас послать ей сэндвич?

- Это уже давно сделано.
 - Она его съела?.. Как она держится?
 - Она все время разговаривает.
 - С кем?
 - С одной женщиной, которая тоже сидит в зале ожидания. Это бывшая проститутка.
- В глазах зубного врача снова мелькнула ненависть.
- Вы это сделали нарочно, правда?
 - Даже не нарочно.
 - Моей матери нечего сказать.
 - Тем лучше для вас.

Прошло четверть часа. Оба они молчали. Потом Мегрэ опять потащился в соседнюю комнату и, более угрюмый чем когда-либо, сделал знак Жанвье, который дремал в углу.

- Спрашивать то же самое, начальник?
- Все, что тебе захочется.

Стенограф совсем замучился. Переводчик все еще работал в своем чулане.

- Сходи-ка за Эрнестиной, той, что в зеленой шляпе, и проведи ее в кабинет Люка.

Когда вошла Долговязая, вид у нее был недовольный.

- Вам не следовало прерывать наш разговор. Теперь она догадается.

Вероятно, потому, что было уже так поздно, Мегрэ совершенно естественно стал говорить ей "ты".

- Что ты там ей рассказывала?

- Говорила, что не знаю, зачем меня вызвали, что мой муж уехал два дня назад, что у меня нет от него никаких известий и что я ненавижу полицию и все ее фокусы.

- А она?

- Спрашивала меня, в первый ли раз я здесь. Я сказала, что нет, что в прошлом году меня допрашивали целую ночь, потому что мой муж подрался с кем-то в кафе и якобы пырнул кого-то ножом. Вначале она смотрела на меня почти с отвращением. Потом понемногу начала меня расспрашивать.

- О чем?

- Главным образом о вас. Я ругала вас, как только могла. Не забыла сказать, что вам всегда удается заставить людей сознаться. Что в крайнем случае вы применяете самые грубые способы.

- Да ну?

- Я-то уж знаю, что делаю. Рассказала ей случай, когда вы держали кого-то голышом в своем кабинете в течение двадцати четырех часов, причем окно все время было открыто.

- Такого никогда не бывало.

- Она уже не так уверена в себе. Она все время прислушивается. "Он их бьет?", - спросила она у меня. "Случается". Может, мне лучше вернуться к ней.

- Иди, если хочешь.

- Но только пусть меня сведет в зал ожидания кто-нибудь из инспекторов и пусть обращается со мной сурово.

- От Альфреда все еще ничего нет.

- Вы тоже ничего не получили?

Мегрэ отправил ее обратно, как она просила. Инспектор, выпроваживавший ее, вернулся, улыбаясь во весь рот.

- Ты что?

- Да ничего. Когда я проходил мимо старухи, она закрылась рукой, словно ждала удара. А Долговязая принялась плакать, как только вышла из кабинета.

Позвонила мадам Мегрэ, спросила, поел ли чего-нибудь ее муж, ждать ли его домой сегодня.

У Мегрэ болела голова. Он был недоволен собой, другими. Может быть, даже немного встревожен. Думал о том, что будет, если вдруг раздастся телефонный звонок Марии Ван Аэртс, и она сообщит, что передумала ехать в Амстердам, остановилась в другом городе.

Он выпил уже теплого пива, попросил послать наверх еще несколько кружек, прежде чем пивная закроется, и вернулся в свой кабинет, где Жанвье отворил окно. Городской шум уже стих. Время от времени по мосту Сен-Мишель проезжало такси.

Он сел, устало опустив плечи, Жанвье вышел. После долгого молчания комиссар задумчиво сказал:

- Ваша мать воображает, что я вас здесь пытаю.

Он удивился, видя, что его собеседник сразу поднял голову; Мегрэ впервые прочел тревогу на его лице.

- Что ей там наговорили?

- Не знаю. Это, наверное, та девка, которая ожидает вместе с ней. Такие, как она, любят сочинять всякие небылицы, чтобы вызвать к себе интерес.

- Можно мне видеть ее?

- Кого?

- Мою мать.

Мегрэ сделал вид, что колеблется, взвешивает "за" и "против", и, наконец, покачал головой.

- Нет, - решил он. - Я, пожалуй, допрошу ее сам.

И я думаю, не послать ли мне за Эжени.

- Мать ничего не знает.

- А вы?

- И я тоже.

- Значит, нет причины, чтобы я не допросил ее так же, как допрашивал вас.

- У вас нет жалости, комиссар.

- К кому?

- К старой женщине.

- Мария тоже хотела бы дожить до старости.

Он стал ходить по кабинету, заложив руки за спину, но то, чего он ожидал, не произошло.

- Твоя очередь, Жанвье. А я теперь примусь за мать.

В действительности он еще не знал, будет ее допрашивать или нет. Жанвье потом рассказывал, что он никогда не видел своего начальника таким усталым и таким ворчливым, как этой ночью.

Никто в сыскной полиции уже не надеялся, что Серр сознается; за спиной комиссара инспектора тоскливо поглядывали друг на друга. Было уже час ночи.

в которой Долговязая кое-что выбалтывает и в которой Мегрэ наконец решает сменить противника.

Мегрэ вышел из комнаты инспекторов, чтобы зайти к переводчику, когда к нему подошел один из уборщиков.

- С вами хочет поговорить какая-то дама.

- Кто? Где она?

- Одна из тех, что сидели в зале ожидания. Кажется, ей стало плохо. Она совершенно бледная, того и гляди, грохнется на пол, попросила меня доложить вам.

- Это старая дама? - спросил Мегрэ, нахмурившись.

- Нет, молодая.

Большинство дверей, выходящих в коридор, были открыты. У третьей двери комиссар увидел Эрнестину, которая прижимала руку к груди.

- Закройте дверь, - шепнула она, когда он подошел ближе.

Как только он исполнил ее просьбу, она облегченно вздохнула:

- Уф! Я, правда, совсем обессилела, но пока еще держусь. Я сделала вид, что мне дурно... Но мне действительно не по себе. У вас нет выпить чего-нибудь крепкого?

Ему пришлось вернуться в свой кабинет, чтобы взять там бутылку коньяку, которая всегда стояла у него. За неимением рюмки он налил ей коньяку в стакан, она выпила залпом и поперхнулась.

- Не знаю, как вы выдерживаете с сыном. Я с матерью совсем дошла. У меня уже голова закружилась.

- Она что-нибудь сказала?

- Эта дама покрепче меня. Об этом я и хотела вас предупредить. Вначале я была уверена, что она принимает за чистую монету все враки, все, что я ей плету.

А потом она, как будто невзначай, стала задавать мне всякие вопросы. Мне уже не раз ставили такие ловушки, и я думала, что сумею выкрутиться. Но мне пришлось нелегко.

- Ты ей сказала, кто ты такая?

- Ну, не совсем точно. Эта женщина ужасно умная, месье Мегрэ. Откуда она узнала, что я зарабатывала на панели? Скажите? Разве по мне это еще видно? Потом она мне сказала: "Вы ведь привыкли общаться с этими людьми, не так ли?" Она имела в виду вас, полицейских.

Наконец, она стала расспрашивать меня о жизни в тюрьмах, и я ей отвечала. Если бы мне сказали, когда я пришла и села напротив, что не я ее, а она меня проведет, я бы не поверила.

- Ты говорила с ней об Альфреде?

- Кое-что. Она думает, что он подделывает чеки.

Ее это не очень-то интересует. Сейчас вот минут сорок пять она расспрашивала меня о жизни в тюрьме: в котором часу подъем, что там едят, злые ли там надзирательницы... Я подумала, что это может заинтересовать вас, и решила сделать вид, что мне дурно; встала и заявила, что пойду и потребую чего-нибудь попить, ведь это бесчеловечно заставлять женщин всю ночь томиться от жажды... Можно мне выпить еще глоток?

Эрнестина и в самом деле замучилась. От коньяка щеки у нее порозовели.

- А сын не признается?

- Нет еще. Она о нем говорила?

- Она прислушивается ко всякому шуму, вздрагивает каждый раз, когда открывается дверь. Она задала мне и такой вопрос: не знала ли я людей, которым отрубили голову на гильотине. Ну, теперь мне получше, пойду. Сейчас уж я буду начеку, не бойтесь.

Мегрэ отпустил Эрнестину, постоял у окна, выходящего во двор, вдохнул свежего воздуха и выпил глоток коньяку прямо из бутылки. Когда он проходил через кабинет, где работал переводчик, тот показал ему письмо, в котором было подчеркнуто одно место.

- Она это писала уже полтора года назад, - сказал он.

Мария писала своей приятельнице:

"Вчера я от души посмеялась. Г. был в моей комнате. Он пришел не за тем, за чем ты думаешь, а чтобы поговорить о моих планах: накануне я говорила, что собираюсь поехать на два дня в Ниццу.

Эти люди терпеть не могут путешествовать. Из Франции они выезжали только один раз в жизни. Тогда еще был жив отец, и они все вместе поехали в Лондон. Кажется, при этом все трое страдали морской болезнью и судовому врачу пришлось с ними возиться.

Но дело не в этом. Когда я говорю им что-нибудь такое, что им не нравится, они мне не сразу отвечают. Они умолкают, и, как говорят, над нами пролетает ангел.

Потом, через некоторое время или даже на следующий день, Гийом приходит ко мне в комнату с недовольным видом, сначала говорит обиняками и в конце концов выкладывает все, что у него на сердце. Короче, оказывается, моя идея поехать в Ниццу на карнавал смешна, почти что неприлична. Он не скрыл, что его мать была шокирована, и умолял меня отказаться от моего намерения.

Ящик ночного столика как раз был наполовину выдвинут. Он машинально взглянул на него, и я заметила, что он вдруг побледнел.

- Что это такое? - пробормотал он, показывая на маленький револьвер с рукояткой из слоновой кости, который я купила во время своего путешествия в Египет.

Помнишь? Я тебе тогда об этом рассказывала.

Мне говорили, что одинокой женщине в этой стране небезопасно. Не знаю, почему я положила его в этот ящик. Я спокойно ответила:

- Это револьвер.

- Он заряжен?

- Не помню.

Я взяла его в руки. Посмотрела магазин. Там не было пуль.

- У вас есть патроны?

- Где-то должны быть.

Через полчаса ко мне под каким-то предлогом явилась моя свекровь - она никогда не заходит ко мне в комнату без какой-либо причины. Она тоже долго говорила обиняками и наконец объяснила, что женщине неприлично иметь оружие.

- Но это скорее игрушка, - возразила я. - Я сохранила его как сувенир, потому что у него красивая рукоятка и на ней выгравированы мои инициалы. А потом, я думаю, он не может принести большого вреда.

В конце концов она уступила. Но только после того, как я вручила ей коробку с патронами, которые оказались в глубине ящика.

Но вот что самое смешное: как только она вышла из комнаты, я нашла в одной из своих сумок еще такую же коробку с патронами, про которую совсем забыла. Я ей про это не сказала..."

Мегрэ все еще держал в руке бутылку с коньяком.

Он налил переводчику, потом пошел угостить стенографа и инспектора, который, чтобы не уснуть, рисовал человечков на своем бюваре.

Когда Мегрэ вернулся к себе в кабинет, оттуда сейчас же вышел Жанвье, и начался новый раунд.

- Я поразмыслил, Серр. Я начинаю думать, что вы не так много лгали мне, как я предполагал.

Он уже перестал называть его месье, как будто после стольких часов, проведенных наедине, известная фамильярность между ними стала уместной. Зубной врач недоверчиво посмотрел на него.

- Мария не должна была исчезнуть, так же как и ваша первая жена. Вы совсем не были заинтересованы в ее исчезновении. Она запаковала свои чемоданы, объявила, что уезжает в Голландию. Она действительно собиралась сесть в ночной поезд. Я не знаю, должна ли была она умереть у вас в доме или только после того, как выйдет из него. Что вы об этом думаете?

Гийом Серр ничего не ответил, но с явным интересом посмотрел на Мегрэ.

- Другими словами, она должна была умереть естественной смертью, я хочу сказать, такой смертью, которая могла сойти за естественную. Но этого не произошло, потому что иначе у вас не было бы причины прятать ни ее тело, ни ее багаж. Есть и другая подробность, которая идет вразрез с вашим планом. Вы попрощались. Ей, значит, не нужно было возвращаться к вам в кабинет. Однако же в какое-то время, ночью, ее труп находился у вас в кабинете. Я не прошу вас отвечать мне, следите только за моими рассуждениями.

Я только что узнал, что у вашей жены был револьвер.

Готов верить, что вы стреляли в порядке самозащиты.

После чего вас охватила паника. Вы оставили тело на месте и побежали в гараж за машиной. В этот момент, около полуночи, вас и заметила консьержка. Теперь я хочу знать, почему изменились ваши планы и планы вашей жены. Вы были у себя в кабинете, не так ли?

- Не помню.

- Вы мне об этом заявили.

- Возможно.

- Я убежден, что ваша мать не сидела в своей комнате, а была вместе с вами.

- Она была в своей комнате.

- Вы это помните?

- Да.

- Значит, помните и то, что сами вы были у себя в кабинете? Ваша жена еще не ушла за такси. Если бы она взяла такси в ту ночь, мы разыскали бы шофера.

Иначе говоря, прежде чем выйти из дома, она заходила к вам в кабинет. Зачем?

- Не знаю.

- Вы признаете, что она заходила к вам?

- Нет.

- Вы не правильно поступаете, Серр. В анналах криминалистики чрезвычайно редки случаи, чтобы тело убитого не отыскалось рано или поздно. Мы найдем ее труп. И я уже сейчас убежден: вскрытие покажет, что она была убита одной или несколькими пулями. Меня интересует только, убита ли она выстрелом из вашего револьвера или из ее собственного.

В зависимости от этого ваше дело будет более или менее серьезным. Если пуля вылетела из ее револьвера, значит, по той или иной причине она захотела свести с вами какие-то счета и угрожала вам. Речь шла о деньгах, Серр?

Он пожал плечами.

- Вы бросаетесь на нее, отнимаете револьвер и нечаянно нажимаете, на спуск. Другая гипотеза: она угрожала вашей матери, а не вам. Женщина может скорее ненавидеть другую женщину, чем мужчину. И, наконец, последняя гипотеза: ваш собственный револьвер находился не в вашей спальне, куда вы его положили вскоре после убийства, а у вас в кабинете в ящике письменного стола. Мария входит. Она вооружена. Она вам угрожает. Вы выдвигаете ящик и стреляете первым. Ни в том, ни в другом случае головой вы не рискуете. Вы убили непреднамеренно, потому что револьвер очень часто держат в ящике письменного стола. Вы можете даже требовать законной защиты.

Остается объяснить, почему ваша жена, уже готовая к отъезду, вдруг бросилась к вам в кабинет с оружием в руках. Что вы об этом думаете?

Он откинулся в кресле и начал медленно набивать трубку, не сводя глаз со своего собеседника.

- Это может протянуться долго, - сказал Серр с каким-то отвращением.

- Вы по-прежнему решили молчать?

- Я послушно отвечаю на ваши вопросы.

- Вы мне не сказали, почему вы выстрелили.

- Я не стрелял.

- Значит, стреляла ваша мать?

- Мать тоже не стреляла. Она была в своей комнате.

- Пока вы спорили с вашей женой?

- Никакого спора не было.

- К сожалению...

- Ничего не могу поделать.

- Видите ли, Серр, я перебрал все причины, по которым Мария могла требовать от вас отчета и угрожать вам.

- Она мне не угрожала.

- Не говорите слишком категорически: потом вы пожалеете об этом. Вы будете умолять меня или присяжных поверить, что ваша жизнь или жизнь вашей матери была в опасности.

Серр иронически улыбнулся. Он устал, немного сгорбился, втянул голову в плечи, но нисколько не потерял хладнокровия. На лице его проступила щетина, щеки от этого посинели. Небо за окнами чуть посветлело, в кабинете стало свежее. Мегрэ закрыл окно.

- Когда умерла ваша первая жена, это произошло таким образом, что вы могли позвать доктора Дютийё, он выдал свидетельство о смерти. Так должна была умереть и Мария, смерть которой могла сойти за естественную. У нее тоже было большое сердце. То, что удалось в первом случае, вполне могло удалиться и во втором. Но что-то здесь помешало. Теперь вы понимаете, к чему я клоню?

- Я ее не убивал.

- И не вы убрали ее тело и багаж, инструменты грабителя?

- Никакого грабителя не было.

- Через несколько часов я, вероятно, устрою вам с ним очную ставку.

- Вы его разыскали?

- Мы обнаружили у вас в кабинете отпечатки его пальцев. Вы постарались вытереть мебель, но одно место упустили. Речь идет о рецидивисте Альфреде Жюсьома, по прозвищу Альфред Унылый. Это хорошо известный здесь специалист. Альфред сказал "своей жене о том, что видел труп. А жена его сейчас сидит вместе с вашей матерью в зале ожидания. Что касается Жюсьома, то он в Руане, и у него теперь нет никаких оснований скрываться. У нас есть еще консьержка, которая видела, как вы выводили из гаража машину. Есть москательщик, который продал вам второе стекло в среду в восемь часов утра. Специалисты по уголовному розыску докажут, когда вы чистили свою машину.

Так что улики порядочно. Когда мы разыщем труп и багаж, моя миссия будет закончена. Может быть, теперь вы решитесь объяснить, почему вместо тела человека, умершего, так сказать, естественной смертью, у вас на руках оказался труп, который необходимо было срочно убрать? Что помешало вам осуществить свой план. Что же, Серр?

Зубной врач вытащил из кармана платок, вытер губы и лоб, но не проронил ни слова.

- Сейчас половина четвертого. С меня уже довольно. Вы что - твердо решили молчать до конца?

- Мне нечего сказать.

- Прекрасно, - проговорил Мегрэ, вставая. - Мне не хотелось бы мучить старую женщину. Но я вынужден допросить вашу мать.

Он ожидал, что Серр будет протестовать, во всяком случае выразит какое-то волнение. Зубной врач и бровью не повел, и Мегрэ даже показалось, что тот вздохнул с облегчением.

Твоя очередь, Жанвье. А я сейчас займусь матерью.

Он и в самом деле собрался допрашивать мать, но не мог начать сразу, потому что явился Ваше, очень возбужденный, с пакетом в руках.

- Нашел, начальник! Искал долго, но, кажется, это то, что нужно.

Он развязал пакет, в газете были обломки кирпича.

- На набережной Бильянкур, напротив острова Сеген. Если бы я начал с низовья, а не шел вниз по течению, я уже был бы здесь несколько часов назад.

Я обошел все набережные, куда свозят строительные материалы. И только в Бильянкуре недавно разгружали баржу с кирпичом.

- Когда?

- В прошлый понедельник. Она ушла во вторник около полудня. Кирпичи все еще там, и мальчишки, должно быть, играли на них и кое-какие поломали. Порядочный кусок набережной покрыт красной пылью.

Я поднимусь к Мерсу?

- Я сам туда иду.

Проходя через зал ожидания, он посмотрел на обеих женщин; они молчали, сидели уже не рядышком, а на расстоянии. Видимо, дружба между ними кончилась.

Мегрэ зашел в лабораторию, где Мере только что приготовил кофе. Комиссару тоже пришлось выпить чашку.

- У тебя есть образец кирпича? Давай сравним?

Цвет был такой же, зернистость казалась одинаковой. Мере взял лупу и электрический прожектор.

- Подходит?

- Вероятно. Во всяком случае, кирпич взят из того же района. Мне надо полчаса или час, чтобы сделать анализ.

Время было слишком позднее, чтобы начинать поиски в Сене. Только с восходом солнца речная бригада сможет послать туда водолаза.

И тогда, если найдут тело Марии или хотя бы чемодан и ящик с инструментами, круг сомкнется.

- Алло! Речная? Это Мегрэ. - Казалось, он все еще был не в духе. - Я хотел бы, как только это будет возможно, произвести розыск в Сене у набережной Бильянкур, в том месте, где недавно выгружали кирпичи.

- Через час, когда взойдет солнце.

Мегрэ решительным движением отворил дверь в зал ожидания.

Эрнестина подумала, что он пришел за ней, и быстро встала. А мадам Серр не шевельнулась.

Но Мегрэ обратился к старой даме:

- Можете зайти ко мне на минутку?

Почти все кабинеты были пусты. Он отворил первую попавшуюся дверь, закрыл окно.

- Садитесь, пожалуйста. - А сам заходил по комнате, время от времени бросая сердитый взгляд на старую даму. - Я не очень люблю сообщать неприятные новости, - наконец проворчал он. - А тем более людям вашего возраста. Вы никогда не болели, мадам Серр?

- Когда мы пересекали Ла-Манш, я страдала морской болезнью. Кроме этого случая, никогда не обращалась к врачу.

- И, естественно, сердце у вас здоровое. А у вашего сына больное?

- У него сердце всегда было увеличено.

- Он убил свою жену, - вдруг произнес Мегрэ, подняв голову и глядя в упор на старуху.

- Это он сказал вам?

Мегрэ не стал лгать:

- Он еще отрицает, но это ни к чему не приведет.

У нас есть доказательства.

- Что он убил?

- Что он стрелял в Марию в своем кабинете.

Она не шелохнулась. Черты ее немного застыли, чувствовалось, что она задерживает дыхание, но других признаков волнения не было.

- Какие у вас доказательства?

- Мы нашли то место, где тело его жены было брошено в Сену, так же как и ее багаж и инструменты грабителя.

- А-а!

Она больше ничего не сказала. Она ждала, руки ее неподвижно лежали на темном платье.

- Ваш сын отказался от своего права требовать законной защиты. И напрасно. Потому что я убежден: когда его жена вошла в кабинет, у нее в руках было оружие и намерения у нее были недобрые.

- Почему?

- Об этом я вас и спрашиваю.

- Я ничего не знаю.

- Где вы в это время были?

- Я вам сказала, в своей комнате.

- И вы ничего не слышали?

- Ничего. Только слышала, как затворили дверь.

Потом шум мотора на улице.

- Такси?

- Думаю, да, потому что моя невестка говорила, что идет за такси.

- Вы не уверены? Это могла быть и частная машина?

- Я ее не видела.

- Это могла быть и машина вашего сына?

- Он заверил меня, что никуда не выезжал.

- Вы отдаете себе отчет в том, что ваши сегодняшние ответы отличаются от тех заявлений, которые вы мне сделали, когда сами явились ко мне?

- Нет.

- Вы были уверены, что ваша невестка уехала из дома на такси?

- Я и сейчас так думаю.

- Но теперь вы в этом уже не уверены. Вы не уверены также и в том, что не было попытки ограбления?

- Я не видела никаких следов.

- В котором часу вы вышли из своей комнаты в среду утром?

- Около половины седьмого.

- Вы вошли в кабинет?

- Не сразу. Я заварила кофе.

- Вы открывали окна в кабинете?

- Кажется, да.

- Прежде, чем спустился из спальни ваш сын?

- Возможно, что и так.

- Но вы этого не утверждаете?

- Поставьте себя на мое место, месье Мегрэ. Вот уже двое суток я сама не знаю, как только я живу. Мне задают всевозможные вопросы. Сколько уже часов я сижу в приемной и жду? Я устала. Я изо всех сил стараюсь держаться.

- Почему вы явились сюда сегодня ночью?

- Разве не естественно, чтобы мать следовала за своим сыном в подобных обстоятельствах? Я всегда жила с ним вместе. Может быть, я ему буду нужна.

- Вы последовали бы за ним в тюрьму?

- Не понимаю. Я не мыслю себе, что...

- Я поставлю вопрос иначе: если я выдвину обвинение против вашего сына, возьмете ли вы на себя часть ответственности за его поступок?

- Но ведь он ничего не сделал!

- Вы в этом уверены?

- Зачем ему было убивать свою жену?

- Вы избегаете прямого ответа. Вы уверены, что он не убил ее?

- Насколько мне известно, он не убивал.

- И все же вы допускаете, что он мог это сделать?

- У него не было на это никаких причин.

- Он это сделал! - резко сказал Мегрэ, глядя ей в лицо.

Она словно замерла. Произнесла только:

- А-а!

Потом открыла сумку и вынула носовой платок.

Глаза ее были сухие. Она не плакала. Только провела платком по губам.

- Могу я попросить стакан воды?

Он подал ей воды.

- Как только прокурор приедет во Дворец правосудия, против вашего сына будет выдвинуто обвинение.

Могу вас заверить уже сейчас, что у него нет никаких шансов выкрутиться.

- Вы хотите сказать, что...

- Он поплатится головой.

Она не потеряла сознания, сидела прямо, устремив перед собою неподвижный взгляд.

- Его первую жену откапывают. Вы, конечно, знаете, что можно обнаружить следы некоторых ядов в костях.

- Зачем ему нужно было убивать их обеих? Это невозможно. Это не правда, месье комиссар. Не знаю, почему вы так говорите со мной, но я отказываюсь вам верить. Дайте мне самой спросить у него. Позвольте мне поговорить с ним наедине, и я докопаюсь до истины.

- Во вторник вы провели весь вечер в своей комнате?

- Да.

- Ни на минуту не спускались вниз?

- Нет. Зачем мне было спускаться, раз эта женщина наконец уезжала?

Мегрэ подошел к окну, несколько минут постоял, прижавшись лбом к стеклу, потом прошел в соседний кабинет, схватил бутылку и выпил все, что в ней было, - две или три рюмки.

Когда он вернулся, походка у него была тяжелая, как у Гийома Серра, а взгляд такой же упрямый.

Глава 9,

в которой Мегрэ не очень гордится своей работой, но доволен тем, что ему удалось спасти кому-то жизнь.

Он сидел в чужом кресле, опершись локтями о стол, со своей самой крупной трубкой во рту, устремив глаза на старую даму, которая напоминала ему настоятельную монашину.

- Ваш сын, мадам Серр, не убивал ни своей первой, ни своей второй жены, - сказал он, отчеканивая слова.

Она удивленно нахмурила брови, но взгляд ее совсем не выразил радости.

- Он не убивал и своего отца, - добавил комиссар.

- Что?

- Молчите!.. Если позволите, мы покончим с этим как можно быстрее. Не будем пока заниматься доказательствами. Они появятся в свое время. Не будем также разбираться в причинах смерти вашего мужа. В чем я почти уверен, это в том, что ваша первая невестка была отравлена. Более того, я убежден, что здесь речь пойдет ни о мышьяке, ни о каком-либо другом сильно действующем яде, который применяют обычно. Между прочим, надо вам сказать, что отравления в девяти случаях из десяти - дело рук женщин. Ваша первая невестка, так же, как и вторая, страдала болезнью сердца. У вашего мужа тоже была эта болезнь. Иные лекарства, которые люди крепкого здоровья переносят довольно легко, могут стать смертельными для сердечников. Я думаю о том, нет ли ключа к этой загадке в одном из писем Марии к ее приятельнице. Она говорит в нем о путешествии в Англию, которое вы совершили вместе с вашим мужем, и подчеркивает, что вы все страдали морской болезнью до такой степени, что судовому врачу пришлось вас лечить. Что врачи дают в таких случаях?

- Не знаю.

- Вряд ли вы этого не знаете. Обычно дают атропин в той или иной форме. А сильная доза атропина может быть роковой для сердечника.

- Таким образом, мой муж...

- Мы еще вернемся к этому, даже если доказать это невозможно. Ваш муж в последние годы вел беспорядочную жизнь и растрачивал свое состояние. А вы всегда страшились нужды, мадам Серр.

- Не из-за себя. Из-за сына. Причем это не значит, что я могла бы...

- Потом ваш сын женился. В вашем доме появилась другая женщина, женщина, которая сразу стала носить ваше имя и обладать такими же правами, как вы.

Она закусила губу.

- Эта женщина, тоже страдавшая болезнью сердца, была богата, богаче вашего сына, богаче всех Серров, вместе взятых.

- Вы хотите сказать, что я отравила ее, после того как отравила своего мужа?

- Да.

Она принужденно захихикала.

- И я, конечно, отравила и свою вторую невестку?

- Ваша вторая невестка уезжала, разочарованная, после безуспешной попытки ужиться в доме, так и оставшемся для нее чужим. Скорее всего, она увозила с собой и свои деньги. И у нее тоже было больное сердце.

Видите, мои недоумения, почему исчезло тело, обоснованны. Если бы она была только отравлена, достаточно было просто позвать врача, который, учитывая состояние здоровья Марии, констатировал бы сердечный приступ. Может быть; этот приступ должен был произойти позже, в такси, на вокзале или в поезде.

- Вы очень уверены в себе, месье Мегрэ.

- Я знаю, что произошло какое-то событие, которое заставило вашего сына выстрелить в свою жену.

Предположим, что Мария, в тот момент, когда она хотела идти за такси или, что более вероятно, в тот момент, когда она вызывала такси по телефону, почувствовала известные симптомы. Она хорошо знала вас обоих, так как прожила у вас два с половиной года. Она много читала, и я не удивился бы, если у нее были некоторые медицинские познания. Поняв, что она отравлена, она вошла в кабинет вашего мужа, где находились вы.

- Почему вы утверждаете, что я находилась там?

- Потому что она, несомненно, поняла: это сделали вы. И если бы вы были в своей комнате, она поднялась бы к вам. Не знаю, угрожала ли она вам револьвером или просто протянула руку к телефону, чтобы позвонить в полицию... Вам ничего не оставалось, как застрелить ее.

- И по-вашему, это я...

- Нет. Я вам уже сказал, что, вероятно, выстрелил ваш сын, или, если вы это предпочитаете, он довершил вашу работу.

Грязноватый свет зари уже примешивался к свету лампы. Черты их лиц казались от этого резче. Раздался телефонный звонок.

- Это вы, комиссар? Я закончил анализ. По всей вероятности, кирпичная пыль, собранная в машине, из Бильянкура.

- Можешь идти спать, малыш. Ты свободен.

Он снова встал, прошелся по комнате.

- Ваш сын, мадам Серр, решил все взять на себя.

Я не вижу способа помешать ему в этом. Если он был способен молчать в продолжение стольких часов, он будет способен молчать до конца. Если только...

- Что?

- Не знаю. Два года тому назад у меня в кабинете был такой же сильный человек, как он. После пятнадцатичасового допроса он так и не разжал зубов.

Резким движением, с каким-то бешенством он отворил окно.

- Понадобилось двадцать семь часов, чтобы его нервы сдали.

- И он сознался?

- Он все рассказал одним духом, как будто хотел свалить с себя эту тяжесть.

- Я никого не отравила.

- Я не у вас спрашиваю ответа.

- А у моего сына?

- Да. Он убежден, что вы поступили так ради него, из страха, что он останется без средств, и отчасти из ревности.

Он еле-еле сдержался, чтобы не поднять на нее руку, несмотря на ее возраст, потому что на тонких губах старухи мелькнула невольная улыбка.

- Но это не правда! - уронил он.

И, приблизившись к ней, глядя ей прямо в глаза и дыша ей в лицо, он отчеканил:

- Вы вовсе не боитесь, что он останется в нужде, вы боитесь только за себя! Вы убили совсем не из-за него, и если вы явились сюда и провели здесь всю ночь, то только потому, что вы боитесь, как бы он не рассказал всю правду.

Она попыталась отодвинуться от него, откинулась на спинку стула, потому что лицо Мегрэ, жесткое, угрожающее, все приближалось к ее лицу.

- Вам наплевать, если он сядет в тюрьму и даже если его казнят, лишь бы вы были уверены, что выйдете чистой из воды. Вы убеждены, что проживете еще много лет у себя в доме, пересчитывая свои деньги.

Она испугалась. Открыла рот, как бы для того, чтобы позвать на помощь. Вдруг Мегрэ неожиданно грубым рывком выхватил из ее старческих рук сумку, которую она судорожно сжимала.

Она вскрикнула и рванулась отнять сумку.

- Садитесь!

Он нажал серебряный замочек. На самом дне, под перчатками, под бумажником, под носовым платком и пудреницей, он нашел две белые таблетки, завернутые в бумагу.

Вокруг царило безмолвие, словно в церкви или в гроте. Мегрэ выпрямился, сел, нажал кнопку электрического звонка.

Когда дверь отворилась, он произнес, не глядя на вошедшего инспектора:

- Скажите Жанвье, чтобы он оставил его в покое.

И так как удивленный инспектор не двинулся, Мегрэ добавил:

- Все. Она признается.

- Я ни в чем не признаюсь.

Он подождал, пока закроется дверь.

- Все равно что признались. Я мог бы продолжить опыт до конца, разрешить вам разговор с сыном с глазу на глаз, о чем вы у меня просили. Вы не находите, что уже достаточно трупов для одной старухи?

- Вы хотите сказать, что я бы...

Он подбросил на ладони таблетки.

- Вы бы дали ему лекарство, вернее, то, что он принял бы за свое лекарство, и говорить ему больше никогда не пришлось бы.

На гребнях крыш уже начали появляться солнечные блики. Снова зазвонил телефон.

- Комиссар Мегрэ? Говорит Речная. Мы в Бильянкуре. Водолаз только что в первый раз спустился на дно и обнаружил довольно тяжелый сундук.

- Остальное тоже найдется, - равнодушно сказал он.

В проеме двери появился измотанный и удивленный Жанвье.

- Мне сказали...

- Уведи ее в дом предварительного заключения.

Его тоже, как сообщника. Я поговорю с прокурором, как только он приедет.

Он больше не занимался ни матерью, ни сыном.

Когда он вошел в свой кабинет, зубного врача там уже не было, но из пепельницы торчали окурки очень черных сигар. Он сел в кресло и уже совсем засыпал, когда вспомнил о Долговязой.

Он нашел ее в зале ожидания, Эрнестина спала. Потряс ее за плечо. Инстинктивным жестом она поправила свою зеленую шляпку.

- Все. Можешь идти.

- Он признался?

- Это она убила.

- Как? Эта старуха...

- Потом! - проворчал он.

Но почувствовав, что он чем-то ей все-таки обязан, Мегрэ обернулся и сказал:

- Спасибо тебе! Когда Альфред вернется, посоветуй ему...

Но что ему посоветовать, он так и не досказал. Ничто не сможет излечить Унылого от его привычки грабить сейфы, прежде им же самим установленные, от его веры в то, что он делает это в последний раз и теперь-то и вправду сможет наконец поселиться в деревне.

Из-за преклонного возраста старую мадам Серр не казнили, и она покинула суд присяжных с удовлетворенным видом особы, решившей наконец навести порядок в женской тюрьме.

Когда ее сын вышел из тюрьмы Френ, где он провел два года, он прямо направился к дому на улице Ла-Ферм и в тот же вечер совершил в своем квартале прогулку, к которой он привык еще в те времена, когда ему приходилось выводить собаку. Он, как и в былые дни, заворачивал в маленький бар выпить красного вина и, прежде чем зайти туда, пугливо поглядывал направо и налево.

<http://book.zehinli.info>

1951г.